

© 2017 г.

Н.В. КРОТКОВА

ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ. К 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ (ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ) (Продолжение)¹

Кроткова Наталья Викторовна – кандидат юридических наук, заместитель главного редактора журнала “Государство и право” РАН (Москва, Россия) (E-mail: krotkova2012@yandex.ru).

Krotkova Natalya V. – PhD in Law, Vice-Editor-in-Chief of journal “State and Law” of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia) (E-mail: krotkova2012@yandex.ru).

Аннотация: дан обзор Всероссийской научной конференции “Государство и революция. К 100-летию Великого Октября”, организованной кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и редакцией журнала “Государство и право”. Показано влияние Октябрьской революции на становление и развитие Советского государства. Рассмотрены источники революционного права, государственно-правовые аспекты революции 1917 г. Уделено внимание революционным и эволюционным переменам в современной истории и роли права, а также первым советским юридическим журналам. Отражены вопросы теоретической подготовки Великой Октябрьской революции в России. Почему Октябрь 1917 г. был исторической неизбежностью? Выступления участников конференции были посвящены также революционной идеологии в теории права и государства, революционному правосознанию в истории российской государственности и многим другим вопросам.

Abstract: an overview of the All-Russian scientific conference “State and revolution. The 100th anniversary of the Great October revolution”, organized by the department of theory of state and law and politology of the law faculty of Moscow state University M.V. Lomonosov and the editorial board of the journal “State and Law”. It shows the influence of the October revolution on the formation and development of the Soviet state. The sources of revolutionary law, state-legal aspects of the 1917 revolution, the attention is paid to the revolutionary and evolutionary change in modern history and the role of law, as well as the first Soviet legal journals. Reflect the issues of theoretical preparation of the Great October revolution in Russia. Why the October 1917 was a historical inevitability? The participants of the conference were also devoted to the revolutionary ideology in the theory of law and state, to the revolutionary sense of justice in the history of Russian statehood, and many other issues.

Ключевые слова: государство, революция, Ленин, диктатура пролетариата, юридическая наука, общая теория права, философия права, социология права, история государства и права, догма права, государственность, идеология, правосознание.

Key words: state, revolution, Lenin, the dictatorship of the proletariat, legal science, General theory of law, philosophy of law, sociology of law, history of state and law, the dogma of law, statehood, ideology, legal consciousness.

Е.А. Фролова, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юрид. наук. Реформы как альтернатива революции: теоретико-исторический контекст

События февраля – октября 1917 г. – переломный момент нашей государственности, для оценки которого имеет смысл обратиться к опыту политической и правовой мысли.

Любое общество представляет собой динамично развивающуюся систему, в которой периодически возникают отношения, требующие упорядочения. Воплощение общественных ожиданий в позитивном праве – задача государственных органов, уполномоченных отменять, изменять, применять

новые законы и другие нормативные правовые акты. В случае промедления государственной власти в оценке и учете потребностей общества с помощью реформирования действующего права возникают конфликты и столкновения, которые могут принимать массовый характер. Иными словами, неспособность правящих лиц провести назревшие социальные реформы порождает социальные революции.

Проблема изменения общественного строя – один из ключевых вопросов каждой политической доктрины. На уровне политико-правовой идеологии тема революции/реформы затрагивалась многими мыслителями. Размышляя о судьбах человечества, теоретики и философы права предлагали развернутые обоснования изменения существующего политико-правового порядка.

¹ Начало см.: Гос. и право. 2017. № 10.

Этот опыт представляет интерес в научном и практическом значении; в его широком спектре можно выделить две принципиальных позиции: обосновывается насильственное ниспровержение существующего строя и доказывается пагубность революционных потрясений общества с разъяснением необходимости реформизма. Своевременно проведенный комплекс реформ решает назревшие общественные проблемы мирными средствами. Таким образом, реформами предотвращаются социальные революции.

К теоретикам, принципиально отвергающим революцию, относится англо-ирландский политический деятель и публицист Э. Берк. В 1790 г. он опубликовал работу “Размышления о революции во Франции”, содержащую полемику с идеями дворянских клубов, отстаивавших идеологию Просвещения и Французской революции.

Берк полагал, что революция есть общественное зло. Выступая против кардинальных изменений в государственном строе Англии, он утверждал, что все преобразования должны совершаться только с учетом предыдущего опыта. К принципам общества английский мыслитель относил стабильность, равновесие, постепенность обновления. Право и государство не могут быть перестроены по воле человека: они создаются в результате длительной исторической работы. Он ссылаясь на конституцию Англии, которая создавалась несколько веков. “Славная революция” 1688 г. только закрепила государственный строй Англии, права и свободы англичан, которые существовали задолго до революции. Французская революция отличается от “Славной революции” тем, что французы стремятся все построить заново, а английская революция была необходима для закрепления свобод и вольностей, основанных на традициях общества. Задача политических умов заключается в том, чтобы “сохранять и одновременно реформировать”. Своим благополучием, пояснял Берк, мы обязаны нашей Конституции, причем не каким-то отдельным ее частям, а всей целиком. В вопросах изменения существующего строя, метафорично замечал он, “я прибежал бы к лекарству, только когда больному совсем плохо. Занимаясь ремонтом здания, я сохранил бы его стиль”. Осторожность, осмотрительность, нравственность — вот руководящие принципы наших праотцов.

Что касается французских революционеров, они, по мнению Берка, склонны в полчаса разрушить то, что создавалось веками, “слишком сильно ненавидя пороки, они слишком мало любят людей”. “Заговоры, массовые побоища, убийства кажутся некоторым людям незначительной

ценой государственного переворота. Спокойное, бескровное реформаторство кажется им плоским и пресным. Им нужна перемена декораций...”². Поэтому, по оценкам английского мыслителя, лидеры Французской революции стремятся разбить все вдребезги, “в своих опытах рассматривают людей как мышей”, а “честный реформатор не может рассматривать свою страну как всего лишь чистый лист, на котором он может писать все, что ему заблагорассудится”. Свобода французских революционеров — это тирания, их знание — высокомерное невежество, их гуманность — дикость и грубость³.

Приблизительно в одно время с английским общественным деятелем и теоретиком традиционализма разрабатывал свою философию И. Кант. Кенигсбергский мыслитель, революционер в области методологии познания, к социальной революции относился отрицательно. Революция, по его мнению, есть нарушение права, “горячий бред”; люди, совершившие революцию, рассуждал он, не меняются, и ничего не меняется в обществе — изменению подлежат только вывески на государственных учреждениях. С помощью революции, замечал философ, можно уничтожить власть тирана, но нельзя создать прочный порядок. В революции повинна тупость правительства, медлящего с проведением реформ; умное правительство должно вовремя перехватить знамя реформ оппозиции.

Согласно философии Канта, “всякое неповиновение верховной законодательной власти, всякое подстрекательство к деятельному выражению подданными неудовольствия, всякое возмущение, которое переходит в бунт, составляет злейшее и самое наказуемое преступление в рамках общности, потому что оно разрушает самые ее основы”⁴. Революция, по его рассуждениям, проистекает из “принципа счастья”, который вообще есть “зло”, поскольку понятие счастья носит субъективный характер. Каждый человек понимает счастье по-своему: “С точки зрения счастья вообще нельзя указать для законов какой-либо общезначимый принцип. Ибо и условия времени, и весьма противоречащие друг другу и притом постоянно изменяющиеся иллюзии, в которых каждый усматривает свое счастье (а в чем он должен его усматривать, этого никто не может ему предписать), делают все

² Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993. С. 74.

³ См.: там же. С. 82.

⁴ Кант И. Соч. на нем. и рус. языках. Т. I. Трактаты и статьи (1784–1796). М., 1994. С. 310, 311.

прочие основоположения невозможными и в качестве принципа законодательства сами по себе негодными”, “счастье вообще нельзя подвести ни под какой определенный принцип в государственном праве, так же как и в морали, даже при самых лучших намерениях его проповедников”⁵. Подведение счастья под принцип грозит злом — состоянием социальной революции. Дело в том, рассуждал Кант, что согласно принципу счастья суверен ставит перед собой задачу сделать свой народ счастливым (в соответствии с собственным представлением о счастье народа) и потому рано или поздно становится деспотом. В свою очередь, народ, понимая свое счастье иначе и устремляясь на пути к нему, не хочет, чтобы его лишили общечеловеческого притязания на личное счастье и становится бунтовщиком⁶.

Эти идеи Канта схожи с рассуждениями Берка: “короли станут тиранами из соображений политических, а их подданные — мятежниками из принципа”⁷. Во избежание социальной катастрофы надо, по мысли философа, сначала определить право и обосновать публично-правовое устройство, при котором правитель был бы связан со своим народом договором. Кроме того, пояснял Кант, необходимо учитывать, что правитель временами может ошибаться в своих решениях, поэтому в государстве должна быть обеспечена свобода печатного слова: “Гражданин государства... должен иметь право открыто высказывать свое мнение о том, какие из распоряжений государя кажутся ему несправедливыми по отношению к общности”⁸. Таким образом, философ отстаивал либеральный образ мыслей в рамках любви к своему Отечеству.

По Канту, в любом государстве должны быть две составляющие, уравновешивающие друг друга: с одной стороны, повиновение механизму государственного устройства по принудительным законам, с другой — дух свободы. Если государство идет по пути тотального запрещения и повиновения, рано или поздно в таком обществе возникнут тайные общества, ставящие целью свержение данного правления. Поэтому в каждом обществе должна быть гарантирована свобода слова.

Большое влияние на политическое и правовое учение Гегеля оказала Французская революция. Размеренная жизнь осмотрительного, уравновешенного, вдумчивого Гегеля, занимавшегося в это время богословием в Тюбингенском университете,

была прервана событием, сразу приковавшим к себе внимание Европы. Все с одинаково радостным чувством приветствовали начало революции. Слова вызывали восторги; действия, проводившие эти слова в жизнь, — почти общее отвращение. Гегель был одним из самых ревностных, но не красноречивых ораторов за права свободы и равенство⁹. Однако революционное увлечение в нем быстро сменилось не только реакцией, но и ненавистью к революциям вообще. Гегель отвергал якобинский террор в теории и на практике.

Революция, если исходить из философии Гегеля, есть “фурия разрушения”, “самосознание отрицательной свободы”, “рассудочная воля”, которая только отрицает и ничего не создает. В области политики эта “свобода пустоты” становится “фанатизмом разрушения всего существующего общественного порядка и устранением всех подозреваемых в приверженности к порядку, а также уничтожением каждой пытающейся вновь утвердиться организации. Лишь разрушая что-либо, эта отрицательная воля чувствует себя существующей...”¹⁰.

В добавлениях к “Философии права” есть положения, близкие к оценкам революции Канта. Так, отмечается, что “в один из периодов Французской революции добродетель была возведена в принцип, не должно было быть ничего, кроме добродетели. Это время и принцип Робеспьера, страшное время. Однако тогда добродетель требовала еще и враждебного отношения против недобродетельного..., и добродетель была вынуждена бороться с недобродетельным, поскольку оно еще существовало... К принципу добродетели пришлось присоединить принцип ужаса. <...> К каким последствиям привел этот ужас, известно из истории, добродетель стала страшной потому, что она должна была стать убеждением современного народа...”¹¹.

С темой революции в политическом учении Гегеля связана проблема построения нового государства. По его убеждению, этот вопрос означает не создание, а *изменение* государства. Все процессы, нацеленные на реформирование существующего общественного порядка, должны осуществляться только конституционным путем. Согласно

⁵ Там же. С. 307.

⁶ См.: там же. С. 318.

⁷ Берк Э. Указ. соч. С. 81.

⁸ Кант И. Указ. соч. С. 324.

⁹ О юности Гегеля, дружбе его с Гельдерлином см., например: Соловьев Е. Гегель. Его жизнь и философская деятельность. Биографический очерк. С портретом Гегеля, гравированным в Лейпциге Геданом. СПб., 1891 (Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова); Дэвид Юм. Кант. Гегель. Шопенгауэр. Огюст Конт. Биографические очерки / Сост. “ЛИО Редактор”. СПб., 1998 (Жизнь замечательных людей). С. 185–201.

¹⁰ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 70, 71.

¹¹ Там же. С. 466, 467.

его философии, каждый народ имеет свою историю, характерные для него опыт и дух, которые отличают данный народ от любого другого. В силу этого, рассуждал философ, каждый народ имеет свое государственное устройство, свойственное для его стадии развития. Так, например, английское устройство является государственным устройством англичан, и если бы захотели дать его пруссакам, то, пояснял Гегель, это было бы столь же абсурдно, как решение дать прусское государственное устройство туркам. “Каждое государственное устройство есть только продукт, манифестация собственного духа данного народа и ступени развития сознания его духа”. Принципиально важным оказывается для Гегеля механизм развития государственного устройства, которое требует только “поступательного движения, в котором ни одна ступень не может быть пропущена, нельзя опережать время...”¹².

Путь реформ и необходимость объединения страны на духовных началах русского сознания и русской культуры последовательно отстаивал сторонник неокантианства и глубокий исследователь философии права Гегеля П.И. Новгородцев. Хорошо известно, что события Октябрьской революции он воспринял как национальную катастрофу. Революция 1917 г. есть “диссолюция, разрыв связей, возмущение страстей против обязанностей и частей против целого, разложение государства и народа”¹³. Новгородцев видел опасности лозунгов “завоеваний революции” для страны в создании “революционной вседозволенности”. Под знаменем этих лозунгов Россия “с неужеримой силой катится к торжеству большевизма”, что предполагает, по оценкам правоведа, состояние общей анархии в стране. Он замечал, что в таких условиях путь к власти открыт для наихудшей демагогии: “Отсюда и вышло, что легализованная анархия кн. Львова и Керенского с естественной неизбежностью уступила место демагогическому деспотизму Ленина”. Революция в России, по Новгородцеву, является собой “не завоевание, не победу, не торжество нравственной идеи, а кару, страдание и трагедию”. Последствия революции 1917 г. таковы, замечал он, что Россия не только не слилась с демократией всего мира, а напротив, противопоставила себя ей как «система

управления диктаторского, деспотического и вместе с тем разрушительного. Являя собою картину голода и болезней, разорения и умирания, Россия оправдывает в наши страшные дни горькое предчувствие Чаадаева: “Мы как будто живем для того, чтобы дать какой-то великий урок человечеству”».

Демократии в России, полагал Новгородцев, не было ни в начале революции, ни в дальнейшем ее развитии, при создании советской власти. Вначале искренно стремились к народовластию, но достигли только безвластия; после прихода к власти большевиков идея народовластия была отвергнута, “на ее место была поставлена так называемая диктатура пролетариата, практически сводящаяся к олигархическому господству партийных вождей, властвующих и над партией, и над народом при помощи демагогии и тирании”¹⁴. Причиной распада государства Новгородцев называл направленность политического мирозерцания русской интеллигенции по пути народнического анархизма Бакунина, суть которого — вера в созидательную силу революции: надо только разрушить старую власть и порядок, а затем все само собой устроится. Руководствуясь такими идеями, резонно замечал Новгородцев, нельзя было организовать ни народовластия, ни управления. Кроме того, важной причиной гибели государства отечественный правовед называл бездействие “призрачной”, “безвластной” власти. Временное правительство, писал он в статье “Восстановление святынь”, не противостояло процессу разрушения государственности.

Оценивать итоги революции, справедливо считал Новгородцев, должны не современники эпохальных перемен — истинное значение революции проявляется только со временем. Однако уже в начале 20-х годов для него была ясна необходимость восстановления русского государства. Для этого необходимо перестроить сознание народа: воссоединение России может совершиться только подвигом общего национального объединения, духом связанности высшими началами и святынями, сознанием ответственности перед целым. “Россия и русская культура выше партий и политических догм”. В 1923 г. отечественный философ права писал: “Не механические какие-либо выборы и не какие-либо внешние формы власти выведут наш народ из величайшей бездны его падения, а лишь новый поворот общего сознания”¹⁵.

¹² Там же. С. 469. В другом месте “Философии права” замечается: “Нет народа, который не имел бы того государственного строя, которого он заслуживает, каждый народ складывается как результат своей истории и может создать только то, что уже является его результатом” (с. 473).

¹³ *Новгородцев П.И.* Восстановление святынь (Посвящается памяти В.Д. Набокова) // *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 561.

¹⁴ Там же. С. 566.

¹⁵ Там же. С. 580. Это не означало, что Новгородцев отвергал значимость политической свободы и путь правового государства для России. Речь шла о том, что для осуществления прав и свобод прежде всего необходимо, чтобы русский народ “перестал вымирать и от безумия коммунизма, и от новых опытов продолжения революции” (с. 570, 571, 573).

За каждым теоретически значимым именем в истории политико-правовой мысли стоит программное обеспечение их концепций, связанное с улучшением права и государства. Способы изменений в социальной сфере выделялись идеологами по-разному, однако многовековой исторический опыт наводит на мысль, что путь социальных революций при всем благостном желании революционеров кардинально переустроить общество несет с собой массовые нарушения прав и свобод человека и гражданина, потерю стабильности правопорядка общества. Альтернативой социальным революциям является своевременный процесс социально-политического реформирования.

А.В. Корнев, зав. кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юрид. наук, проф. *Право на революцию, или почему Октябрь 1917 года был исторической неизбежностью*

В истории политических и правовых учений праву на революцию (в иных вариантах на сопротивление тирании, восстание, на бунт) уделялось и уделяется определенное внимание. Радикальные политические доктрины разного толка этому праву по понятным причинам придают гораздо большее значение, чем иные. Почти все сходятся в одном: «Революция — это почти всегда плохо». Но гораздо важнее понять, почему они происходят.

2017 год — «юбилейный» для России. Страна по-разному будет отмечать годовщину двух революций. Отчетливо наметилась тенденция рассматривать Февральскую и Октябрьскую революции как звенья одной цепи, а оба этих события именовать в качестве Великой русской революции. Прилагательное «великая», по моему мнению, следует применять только к событиям Октября 1917 г. и последующим развитиям истории. Февральская революция вряд ли заслуживает такой оценки. Но в любом случае перестала существовать монархия. Её смерть, по всей вероятности, можно признать вполне естественной.

В начале XX в. Российская Империя была по величине территории и населения самой крупной в Европе. Однако она сильно отставала от промышленно развитых стран. Соединенные Штаты Америки были в авангарде экономического развития. Второе место занимала Германия, третье и четвертое — Великобритания и Франция. Даже в крохотной Бельгии ВВП был больше российского. Правда, Россия обогнала Бельгию по количеству выплавленного черного металла. И это притом, что страна имела огромный потенциал,

который существующая власть или не хотела, или не могла развивать и использовать.

В среде российских промышленников отчетливо сформировались два противоположных лагеря. С одной стороны, это так называемые московские «ситцевые капиталисты». Российская текстильная промышленность, берущая начало с крестьянских мануфактур, принадлежала в основном старообрядцам, развивалась за счет собственных средств вне влияния иностранных банков. Они не забыли гонений за веру и не питали никаких симпатий к монархии. Павел Рябушинский, например, считал правление Дома Романовых политическим трупом, которому осталось недолго жить. К слову сказать, позиции московских предпринимателей активно поддерживал выдающийся химик Д.И. Менделеев. Политико-экономические взгляды закрыли ему дорогу к Нобелевской премии. Кандидатуру Менделеева поддерживали практически все европейские университеты и академии наук в 1905, 1906, 1907 гг. (соотечественники — никогда). Список его титулов и званий включал более ста наименований. В декабре 1880 г. Петербургская академия наук отказала ему в избрании академиком. Его работы в области социально-экономических проблем зачастую сопровождались глумливо-издевательскими рецензиями. Причина предельно проста. Выдающийся ученый и патриот России выступал за протекционизм и форсированную индустриализацию страны.

Но была и другая корпорация, которая сформировалась в космополитичном Петербурге. Преимущественно костяк этой группы составляли не фабриканты, а финансисты, зарабатывавшие биржевыми спекуляциями. Причем крупнейшие банки контролировались из-за рубежа: Международный банк и Русский банк для внешней торговли — немцами, Санкт-Петербургский частный коммерческий банк, Русско-Азиатский банк, Азовско-Донской коммерческий банк — французами. К 1914 г. 55% российских ценных бумаг принадлежало иностранному капиталу. Английский экономист Теодор Шанин характеризовал предвоенную Россию «полуколонией запада».

В крестьянской по своей сути стране так и не был решен главный вопрос — земельный. Реформы П.А. Столыпина были половинчатыми, несмотря на всю масштабность этой личности. Временное правительство также не стало его решать. Его деятельность вообще была малопродуктивной. В соответствии с первыми декретами Временного правительства были ликвидированы полиция и жандармерия. В отличие от армии, эти два государственных института до конца сохраняли

верность монархии. Была объявлена амнистия. Свободу получили не только политические заключенные, но и уголовники. Последних именовали “птенцами Керенского”. В итоге страна погрузилась в разгул бандитизма. С позволения Временного правительства в некоторых национальных регионах страны стали возникать организации, претендующие на автономию.

Генералитет в массе своей предал последнего русского царя, нарушив присягу. М.В. Алексеев, начальник штаба Верховного главнокомандующего, был одной из главных фигур Февраля. Н. Корнилов, получив пост Верховного главнокомандующего, начал с того, что сдал Ригу, открыв фактически немцам дорогу на Петроград. Он же на фронте (!) приступил к разделению армии на русскую и украинскую. Первым командующим украинским корпусом летом 1917 г. Корнилов назначил генерала Скоропадского.

На полях сражений Первой мировой войны русские солдаты, в своем абсолютном большинстве состоявшие из крестьян, не понимали, за что они воюют. Правящий класс начал войну на французские деньги, которые в скором времени закончились. Экономика России не была готова к этой войне. Но не все это понимали, особенно среди интеллигенции, которая также внесла свою лепту в две российские революции. В начале XX в. этот культурный слой состоял примерно из 200 тыс. человек. Невероятные страдания крестьянской массы не находили порой отклика у интеллигентов.

Н.А. Бердяев, не знавший нужды ни в России, ни в эмиграции, писал: “Русская революция есть событие производное от мировой войны. Она есть эпизод мировой войны. И революция эта имеет прежде всего один горестный и унижительный для русского народа смысл. Русский народ не выдержал великого испытания войны. Все народы приняли участие в мировой борьбе с тем духовным и материальным багажом, который накопился у него за долгую историю. Русский народ оказался банкротом. У него оказалось слабо развитым *чувство чести* (курсив мой. — А.К.). Но не народная масса в том виновата, вина лежит глубже”¹⁶. Тайна души России и русского народа, разгадка всех наших болезней и страданий, по Бердяеву, лежит в ложном соотношении мужественного и женственного начала.

Размышления Н.А. Бердяева говорят о том, “как страшно далеки были от народа” те, кто хотел

улучшить жизнь, абсолютно не понимая его жизненных запросов.

Заметную роль в предреволюционной России играли юристы как особая социальная группа. После великих реформ профессия юриста стала невероятно популярной. Достаточно сказать, что в 1869 г. число студентов юридических факультетов составляло 50.7% всех обучавшихся в университетах России. На юридические факультеты шли люди, которые не просто хотели овладеть модной профессией, но и те, кто намеревался использовать возможности, которые она давала в борьбе с существующим политическим строем.

В этой связи представляет интерес признание С.Н. Булгакова: “В этом выборе я явился также жертвой интеллигентской стадности, пойдя вопреки собственному влечению. Меня влекла область филологии, литературы, я же попал на чуждый мне юридический факультет в известном смысле для того, чтобы тем спасти отечество от царской тирании, конечно, идейно”¹⁷.

Многие русские юристы получали образование, стажировались, готовили свои диссертации за границей, в ведущих западных университетах. Отдельные из них (например, П.Г. Виноградов) успешно там преподавали. Так или иначе, но они привозили в Россию идеи, которые нередко были направлены против существующего строя. Не надо забывать, что живое слово, ценность которого сегодня тает на глазах, имело сильнейшую притягательную силу. П.А. Сорокин вспоминал, что лекции проф. Л.И. Петражицкого имели громадный успех, и на них приходили не только студенты.

В России понимали право по-разному, но все-таки доминировали следующие школы права:

государственно-организационная (государственно-повелительная) теория понимала под правом то, что государство “приказывало” считать таковым. Современная российская доктрина именует такой подход нормативным. Наиболее ярким ее представителем являлся Г.Ф. Шершеневич;

психологическая школа права (Л.И. Петражицкий и др.) понимала право как совокупность императивно-атрибутивных душевных переживаний, которые путем психического взаимодействия членов какой-либо группы приобретают общее значение и объективируются в правовых нормах;

социологическая теория (С.А. Муромцев, Б.А. Кистяковский) понимала право как совокупность осуществляющихся в жизни правовых

¹⁶ Бердяев Н.А. Русское зарубежье. Власть и право. Из истории социальной и правовой мысли. Сб. Л., 1991. С. 18.

¹⁷ Булгаков С.Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 7.

предписаний, в которых вырабатываются и выкристаллизовываются правовые нормы.

Некоторая популярность имела и у естественно-правовой теории. Однако практически никто из русских юристов не видел в ней альтернативу закону.

Нормативная школа или нормативизм в праве был, пожалуй, наиболее широко представлен в дореволюционной юриспруденции. Н.А. Алексеев писал, что следует различать нормативизм этический (П.И. Новгородцев), логический (И.А. Ильин), юридический (Г. Кельзен). Б.А. Кистяковский полагал, что нормы: а) устанавливают или разграничивают свободу (школа естественного права, немецкий философский идеализм); б) защищают интерес (Р. Иеринг); в) создают компромисс между различными группами (А. Меркель). Для самого Б.А. Кистяковского наиболее приемлемым являлся третий вариант.

Вопрос о правопонимании удачно сочетается со столетним юбилеем русских революций, особенно Февральской. Как и прежде, она вызывает много вопросов. Даже профессиональный революционер Л.Д. Троцкий до конца своей жизни не смог ответить на вопрос: как и почему власть оказалась в руках либеральной буржуазии? В чем он, безусловно, прав, так это в том, что “оторванная от народа, связанная гораздо теснее с иностранным финансовым капиталом, чем с трудящимися массами собственной страны, враждебная революция, которая одержала победу, запоздалая русская буржуазия не могла от собственного имени найти ни одного довода в пользу своих претензий на власть”¹⁸.

Л.Д. Троцкий утверждает, что “буржуазия получила власть за спиной народа. Она не имела в трудящихся массах никакой опоры. Но вместе с властью она получила подобие опоры из вторых рук: меньшевики и эсеры, поднятые массой наверх, вручили уже от себя мандат доверия буржуазии. Если взглянуть на эту операцию в разрезе формальной демократии, то получится картина двухстепенных выборов, в которых меньшевики и эсеры выступают в технической роли среднего звена, то есть кадетских выборщиков. Если взять вопрос политически, то придется сказать, что соглашатели обманули доверие масс, призвав к власти тех, против кого сами были избраны”¹⁹.

Троцкий пытается найти хотя бы какие-то правовые аргументы в пользу легитимности временщиков. Известный современный российский

историк И.Я. Фроянов квалифицирует Февральскую революцию в качестве “верхушечного политического переворота”. Да и другой историк, П.Н. Милюков, лидер крупнейшей кадетской партии, одна из знаковых фигур февральских событий, напишет позже о том, что наступил юридический, правовой разрыв между Россией самодержавной и той, какой она становилась в реальности.

Любая политическая революция формирует свое понимание права. Об этом очень хорошо написал П.Б. Струве: “Строгое социологическое понятие революции немыслимо без отнесения этого понятия к другому основному социологическому понятию — права. Революция есть нарушение непрерывности правового развития общества, становящееся исходной точкой нового правообразования. Революция ниспровергает одно право и воздвигает другое. Революция есть бунт, коему присущ умысел быть или стать правообразующим фактом, или еще короче: удачная или законченная революция есть бунт, ставший правом”²⁰.

Принято считать, что революции имеют свои причины и логику развития. Видимо, это в основном так. Вместе с тем с этим сложно согласиться полностью. М. Вебер полагал, что социальное действие может быть ориентировано: 1) целерационально, т.е. посредством расчета на определенное поведение предметов внешнего мира и других людей; 2) ценностно-рационально благодаря сознательной вере в безусловную этическую, эстетическую, религиозную или как угодно еще толкуемую самоценность определенного поведения чисто как такового независимо от его результата; 3) аффективно, в частности эмоционально, т.е. воздействием непосредственных аффектов и эмоциональных состояний; 4) традиционно, т.е. силой укоренившейся привычки²¹.

Очевидно, что во время революции имеют место все четыре варианта социальных действий, если соглашаться с М. Вебером. Все зависит от фазы революции. Самые драматические события революции, пожалуй, связаны с так называемым аффективным поведением, и в этих условиях возникает “право на революцию, на бунт”.

П.А. Сорокин, очевидец событий, некоторое время бывший личным секретарем А.Ф. Керенского, в одной из своих книг написал: “Непосредственной предпосылкой всякой революции всегда было увеличение подавленных базовых

¹⁸ Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 311.

¹⁹ Там же. С. 306.

²⁰ Струве П.Б. ПАТРИОТИКА. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 436.

²¹ См.: Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. В 4-х т. Т. 1 Социология. М., 2016. С. 84.

инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения”²². К числу таковых он относит голод, самосохранение, свободу и проч. По его мнению, к 1917 г. имело место подавление всех этих инстинктов подавляющего большинства населения империи.

Таким образом, Февральская революция могла закончиться только социалистической революцией и никакой другой. Обе революции были бескровными, даже Октябрьская. К сожалению, они приблизили самую страшную катастрофу для любой страны – гражданскую войну. Почему это произошло – тема отдельного, сложного и обстоятельного разговора. Выдающийся русский мыслитель Л. Карсавин в эмиграции написал поразительные по своей глубине строки: “Если считать, что русский народ подчинился большевикам только за страх, надо будет признать не русским народом погибших в Гражданской войне и защите России красноармейцев. Тогда не принадлежат к русскому народу ни крестьяне, предпочитавшие большевиков царским генералам, ни чиновники, среди которых далеко не все работают из-под палки, ни большинство рабочих. Ни те, которые, отрицая в принципе власть большевиков, все же считают её лучше, чем власть иностранная или реставрационная”²³.

Известный американский юрист Г. Берман среди шести великих революций, изменивших западную традицию права, называет в том числе и русскую. Каждая из них “породила новую систему права, которая воплощала некоторые из главных целей революции...”²⁴.

По Троцкому, революция есть открытое соразмерение социальных сил в борьбе за власть. Но государство, власть – не самоцель. Власть нужна для того, чтобы провести социальные преобразования, и в первую очередь экономические. Как писал В.И. Ленин, “мы эту машину отняли у капиталистов, взяли её себе. Этой машиной или дубиной мы разгромим всякую эксплуатацию...”²⁵.

СССР хватило трех пятилеток, чтобы к 1937 г. – страшному в истории нашей страны, т.е. до массовых репрессий, стать одним из мировых лидеров по объему промышленной продукции, а по темпам индустриального роста он обогнал даже США. Сегодня трудно себе представить, каких бы успехов

могла достичь страна, если бы не страшная война и преодоление её последствий, включая изнурительное идеологическое, политическое и экономическое противостояние с так называемым коллективным западом.

В.М. Сырых, руководитель отдела теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ. Ленинская теория социалистической революции и советского государства

С завоеванием российским пролетариатом государственной власти в Октябре 1917 г. впервые в истории человечества создавались реальные условия для воплощения теории социалистической революции в жизнь, в непосредственную практику. Пролетарское государство выступало в роли мощного локомотива, призванного заложить основы ведущих сфер социалистического общества: экономики, политики, образования, культуры. В то же время было очевидно, что успешное и целенаправленное проведение социалистической революции невозможно осуществить без научно обоснованного определения путей построения социалистического общества и ясного осознания роли советского государства в этом процессе как действенного средства выражения и проведения в жизнь воли рабочего класса и поддерживавших его остальных социальных слоев общества.

Задача выработки путей и мер проведения социалистической революции на стадии формирования и закрепления основ социалистического общества была успешно решена В.И. Лениным, творчески сочетавшим практическую деятельность в качестве ведущего идеолога партии и руководителя советского правительства. У Ленина нет отдельного фундаментального труда, излагающего теорию социалистического государства в целостном, системном виде. Его многочисленные работы, стенограммы докладов, иных выступлений, проекты законов, партийных решений, замечаний на проекты аналогичных документов, газетные отчеты, в своей совокупности составляющие 11 томов Полного собрания сочинений, содержат многие ценные положения, выводы этой теории.

На этапе мирного формирования основ советского государства требовалось в первоочередном порядке уточнить и конкретизировать стратегические цели диктатуры пролетариата, чтобы верно определить особенные цели и задачи ее начального этапа, избрать такие варианты решения сиюминутных, конкретных задач, которые бы тесно увязывались с единым, успешным движением к конечному результату, к социалистическому

²² Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 272.

²³ Карсавин Л. Философия истории. Берлин, 1923.

²⁴ Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 35.

²⁵ Ленин В.И. О государстве. М., 1970. С. 23.

обществу. Перевод общей теории на уровень конкретного и конкретного составил суть и содержание ленинских работ этого периода.

В развитие положений “Государства и революции” В.И. Ленин уделяет первостепенное внимание обоснованию широкого демократизма пролетарского государства как *демократии нового исторического типа*, намного превосходящей буржуазную демократию прежде всего социальной базой индивидов, принимающих активное участие в управлении делами общества и государства, и перенесением центра тяжести с формального признания равноправия граждан на фактическое пользование политическими свободами широкими трудящимися массами. Тезис о том, что советское государство является по-новому демократическим, по-новому диктаторским, красной нитью проходит через все работы Ленина, определяя суть отношений советской власти к трудящимся массам и бывшим эксплуататорским классам, оправдывая необходимость их лишения политических прав. Этот же тезис объясняет и оправдывает отношение советского государства к представительным органам государства: Советам и Учредительному собранию.

В период Гражданской войны предмет разработки теоретических исследований заметно меняется. На первый план выходят деятельность государства по защите завоеваний пролетарской революции от иностранной интервенции и белого движения, а также организации и обеспечения государственного принуждения в форме государственного террора, применяемого к лицам, выступающим против советского государства, нарушающим его законы, совершающим государственные преступления либо занимающимся спекуляцией хлебом, иными товарами, на которые в период Гражданской войны устанавливалась государственная монополия.

В.И. Ленин признавал, что суть советского государства даже в период Гражданской войны не может сводиться только к насилию, оно должно по-прежнему в этих нелегких условиях обеспечивать проведение мер, направленных на обеспечение созидательных функций государства, на создание социалистической экономики и социалистических общественных отношений, на развитие производительных сил общества посредством применения достижений научно-технического прогресса и прежде всего электрификации народного хозяйства. Победа советского государства в Гражданской войне есть наиболее яркое и бесспорное свидетельство правильности основных теоретических положений, выводов ленинской теории

социалистического государства. В то же время, как признает В.И. Ленин, в области экономики партией и советским государством была допущена ошибка, выражавшаяся в забегании вперед и желании ввести коммунистические распределительные отношения без необходимых к тому экономических и культурных предпосылок.

В работах, посвященных деятельности советского государства в условиях нэпа, В.И. Ленин решающее значение придает функции учета и контроля за частнопредпринимательской деятельностью нэпманов, преследовавших свои узкокорыстные цели, но следуя логике социалистического хозяйствования, выполнявших первостепенную по степени важности деятельность по обеспечению населения товарами народного потребления. В этот период, по признанию главы советского правительства, советское государство обязано было успешно решить две взаимосвязанные задачи: определить меру свободы частнопредпринимательской деятельности, позволявшую надлежащим образом выполнять возложенную на нэпманов задачу, и обеспечить строжайший режим законности как в отношении нэпманов, так и должностных лиц советского государства.

Сообразно экономическим реформам В.И. Ленин определяет пути и формы совершенствования политической системы общества, ведущими компонентами которого выступают советское государство, партия, профсоюзы, иные организации трудящихся. Особое беспокойство у него вызывают сохранившиеся в аппарате советского государства такие негативные привычки прошлого, как бюрократизм, волокита и комчванство, а также недостаточный профессионализм значительной части государственных служащих. Глава советского правительства предпринимает интенсивный поиск действенных средств освобождения государственного аппарата от негативных вредных привычек прошлого наследия, дает рекомендации по совершенствованию деятельности последнего, а также расширению социалистической демократии.

Завершающим этапом ленинской творческой деятельности по разработке проблем теории социалистического государства выступает весьма короткий период (13 декабря 1922 г. – 6 марта 1923 г.), когда тяжело больной В.И. Ленин, отошедший от практической деятельности, пытается обобщить опыт социалистического строительства и наметить наиболее важные пути, направления дальнейшей деятельности советского государства. Подготовленные в этот период записки и письма В.И. Ленина в своей совокупности справедливо называются “Политическим завещанием”.

Обычно признается политематичность “Политического завещания”, мол, в нем подняты и рассмотрены самые различные темы социалистического строительства: экономики, политики, культуры, совершенствования советского государственного аппарата, установления правильных взаимоотношений между народами, проживавшими на территории дореволюционной России. Однако основная, главная тема, красной нитью проходящая через работы и связывая разные темы воедино, не называется²⁶. Создается впечатление, что краткие записки и письма писались бессистемно, понемногу обо всем, о чем болит сердце. Однако это далеко не так.

В.И. Ленин пытался обратить внимание на недостаточно учитывавшуюся в деятельности государства, занятого решением первоочередных экономических задач восстановления разрушенного хозяйства, проблему, которая имела первостепенное решающее значение как в ходе социалистического строительства, так и в определении его конечной цели, — *проблему формирования пролетарской культуры*, на определение первоначальных действенных средств, путей внедрения ее в сознание и деятельность всех членов советского общества независимо от занимаемого поста и должности.

“Нам тоже не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму”, — признает В.И. Ленин и во всех своих последних работах определяет конкретные пути ее достижения в государственном аппарате, партии, экономике, национальных отношениях и других сферах советского общества и государства²⁷. Именно проблемы культуры составляют лейтмотив последних работ В.И. Ленина и объединяют их кажущуюся политематичность в единый предмет его последнего исследования.

В целом ленинская теория социалистического государства представляет собой оригинальное творческое теоретическое знание, основанное на теории марксизма, в основном соответствующее этой теории и вносящее в нее фундаментальный вклад, свидетельствующий о высоком, гениальном научном потенциале ее автора. Благодаря ленинской теории российскому пролетариату представилось обеспечить успешное проведение революции в весьма нелегких конкретно-исторических условиях Гражданской войны и нэпа, а также

определить пути продолжения ее курса на построение социалистического общества.

О.В. Мартышин, профессор кафедры теории государства и права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юрид. наук. *Политика, идеология и юбилей революции*

Столетие второй и третьей русских революций — не просто повод еще раз обратиться к попыткам их научного анализа и оценки. Это событие политическое само по себе. Оно используется и будет использоваться в политических целях. Некоторые направления политического использования юбилея революции в Российской Федерации сегодняшнего дня вполне предсказуемы. КПРФ будет воспевать Великую Октябрьскую социалистическую революцию в основном в духе советского времени, всячески подчеркивая достижения советской власти и если не отрицая, то обходя молчанием ее пороки и преступления. Отечественные либералы отдадут предпочтение Февралю и осудят Октябрь как вооруженный переворот меньшинства, положивший конец единственному в истории России до рубежа 80–90-х годов XX в. кратковременному периоду свободы. Монархисты предадут проклятию и Февраль, и Октябрь как заговор внешних сил, подкоп под религиозные, нравственные и политические устои России. А вот какова позиция правящей партии или правящей элиты, как принято было говорить до сравнительно недавнего заявления Президента РФ о неуместности частого употребления этого термина, остается не вполне ясным. Создается впечатление, что позиция ведущей политической силы по этому вопросу спустя четверть века после падения советской власти все еще не определилась окончательно. Впрочем, возможно, что внесение ясности в этот вопрос считается нецелесообразным. Некоторые сдвиги в этом отношении все же наметились. К их числу следует отнести отказ от деидеологизации, столь характерный для начала 90-х годов. Политические партии и движения стремятся предложить гражданам свои идеологические стандарты. Как правило, они носят формальный и утилитарный характер. Представление программы — необходимое условие регистрации. Вторая цель, которую преследуют программные документы партий, — привлечение сторонников. Прикладной характер партийных теоретических документов сказывается на их качестве. Идеология сливается в них с пропагандой и агитацией. Она часто неискренна и воспринимается и своими творцами, и потребителями как одна из форм политической технологии, а не действительное выражение целей партии или движения, методов их осуществления.

²⁶ См.: Предисловие к т. 45 // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. XVI – XIX.

²⁷ Там же. С. 404.

О поисках и изменениях в идеологии правящей партии свидетельствует появление в пропагандистских материалах термина “Великая Русская революция”. В нем два новшества. Во-первых, объединение двух революций как бы в единый революционный процесс. В таком подходе есть и плюсы, и минусы. Если его не абсолютизировать, он вполне приемлем. В самом деле, любая подлинная революция, в отличие от государственного переворота, охватывает целую цепь событий и представляет собой процесс, период или фазу исторического развития. А. Торкунов справедливо подчеркивает, что именно так понимались и нидерландская, и английская и Великая Французская революции²⁸.

Но в такой постановке вопроса заключена и опасность недооценки остроты противоречий в рамках революции, изначальной нетерпимости, враждебности Октября по отношению к Февралю при безусловном признании исполненной Февралем исторической миссии — свержения самодержавия. Ленинская теория перерастания демократической революции в социалистическую, изложенная в 1905 г., предполагала единство революционного процесса. Но в качестве необходимого условия этого единства выдвигалось включение революционной социал-демократии во Временное правительство и ее определяющее влияние на ход событий. Поскольку реальное Временное правительство 1917 г. оказалось враждебным социализму в его ленинском понимании, новый этап революции разрывал единство, воспринимался не как преемственность по отношению к первому этапу, а как разрыв с ним, борьба, качественный скачок, нашедший воплощение в призыве “апрельских тезисов”: “никакой поддержки Временному правительству”, “вся власть Советам!”. Это уже не “перерастание”, а ориентация на новую революцию. Таким образом, Октябрь выступает не столько как продолжение Февральской революции, сколько как ее отрицание, как новая революция.

Однако во вводимой в обиход формуле “Великая Русская революция” более знаменательно не уязвимое представление о едином процессе, а применение к русской революции определения “великая”. Оно воспринимается или может быть воспринято как отказ от того отношения к революции, которое доминировало в официальной пропаганде двух последних десятилетий.

Величие исторического события не сводимо к его масштабам, к грандиозности трагедии,

потрясений и бедствий, пережитых народом. Революцию нельзя назвать великой в том же смысле, как “великую” чуму XIV в. Признание революции великой предполагает одобрительное отношение к ней, понимание ее закономерности и в конечном счете ее положительного вклада в историю страны и всего человечества. Понятие “Великая Русская революция” лишается смысла, если оно не означает согласия с тем, что революция при всех связанных с нею катаклизмах, жертвах и потерях есть одна из форм общественного развития, более трудная, чем эволюционный процесс, но в определенных условиях неизбежная.

Однако признанию исторической закономерности революции противостоит активно и быстро укрепляющаяся в последние годы тенденция рассматривать революцию исключительно как явление нелегитимное (что с формальной точки зрения, конечно, справедливо), положившее конец поступательному развитию России и принесшее ей одни только бедствия. Эта тенденция вполне соответствует господствующему консервативному направлению в правящей партии.

Открывая 18 февраля сего года в Зале церковных соборов московского храма Христа Спасителя научную конференцию “Февраль. Трагедия. Уроки истории. 1917”, председатель Отдела внешних церковных связей Русской Православной Церкви митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев) заявил, что Российская Империя “формировалась на протяжении тысячелетия как страна, основанная на христианских принципах, и могла бы развиваться дальше эволюционным путем, если бы революционная оппозиция не раскачивала лодку”. Ему вторил министр культуры РФ В. Мединский: “Когда Россия встала перед необходимостью укрепления государственности как единственного аппарата необходимых реформ и модернизации страны, произошло обратное. Февраль — это снос государства как института легитимной, признанной веками и народом формы организации общества”²⁹. Установка, напоминающая знаменитый сборник статей “Вехи”, где ряд ведущих представителей общественной мысли, разочарованных или напуганных событиями 1905–1907 гг., приписывал уже потерпевшую поражение Первую русскую революцию деятельности интеллигентов-отщепенцев.

Где признаки готовности империи к необходимым реформам, подходящее ли время мировая война для осуществления таких реформ? Игнорируя подобные вопросы, указанные участники дискуссии выдают предреволюционную Россию за

²⁸ См.: Независимая газ. 2017. 10 марта. С. 5.

²⁹ НГ-Религии. 2017. Март. С. 14.

стабильное преуспевающее государство. Тем самым поддерживается не только антиреволюционная, но и антилиберальная традиция современного отечественного консерватизма.

В пятом выпуске “Солженицынских тетрадей” опубликована переписка А.И. Солженицына с Л.К. Чуковской. А.И. Солженицын утверждает, что “охранка” не имела ни одного узника совести, а боролась исключительно с террором и вооруженными восстаниями и что спасение человечества невозможно на основе “бескрайней идеологии прав человека, как говорят диссиденты и Сахаров тоже”. “Идеология прав человека, — продолжает он, — это давно знакомая нам анархия”. Л.К. Чуковская отказывается принять дореволюционную Россию как идеал и называть ее цветущей: “Почему Вы полагаете, что прошлое должно возрождаться тютельку в тютельку таким, как было? И как можно цветущей назвать страну, где столько неграмотных? Где в таком презрении находились юкагиры и чукчи и прочие? Где существовала черта оседлости? Где произошла (не из-за большевиков) революция 1905 года? Где в последнее десятилетие правил Распутин? Страна, над которой спокон веку рыдала вся русская литература?”³⁰.

И видный деятель РПЦ, и министр федерального правительства явно в данном вопросе на стороне Солженицына. Показательно и совпадение взглядов представителей государственной власти и главной религиозной организации. Символично, что первое крупное научное юбилейное мероприятие проходило не в РАН, а в РПЦ. Церковь превращается в важнейший центр идеологической работы. Она претендует на восстановление своего дореволюционного статуса как источника и носителя государственной идеологии.

Кстати сказать, не состоит ли политический смысл своеобразного объединения двух революций в том, чтобы распространить на Февраль то сугубо отрицательное отношение к Октябрю, которое культивировалось в российской пропаганде в последние годы, и вытравить в массовом сознании идеи не только революции, но и либерализма.

Однако в этом отношении заметны некоторые существенные изменения. Во имя воспитания чувства патриотизма снижается уровень обличения революционных мер. Выдвигается идея национального примирения, забвения классовых антагонистов, приведших к революции и Гражданской войне. Отвечая на вопросы журналистов

в ходе названной выше конференции, В. Мединский отметил, что нельзя сказать, вспоминается ли столетие революции со знаком “плюс” или со знаком “минус”³¹. Глава Русской Православной Церкви заявил в своем слове после литургии в Казанском храме в Коломенском, что “в этот год 100-летия мы искренне можем перелистнуть страницу без всяких политических комментариев. Мы перелистываем ее, вспоминая мучеников, исповедников, невинно убиенных, а также героев труда и воинской славы”³². Здесь поставлены рядом и жертва революции, и те, кто служил ей верой и правдой.

Отрешенность от мирских интересов, уместная у духовного пастыря, не отвечает требованиям государственной идеологии, если не сводить ее к политической технологии, рассчитанной на повышение стабильности власти, а ожидать от идеологии ответа на вопросы о целях и методах политики. Для такой идеологии мало эпически спокойной констатации “тут ни убавить, ни прибавить, так это было на земле”. Рассматривать прошлое как непреложную данность разумно. Но ради настоящего и будущего его необходимо оценивать и анализировать. И здесь не обойтись без плюсов и минусов, хотя, возможно, их следует относить не к историческому этапу в целом (дореволюционная Россия, Февральская революция, Октябрьская революция), а к отдельным его частям и компонентам.

Основу такой идеологии, или программы составляет мысль о закономерности революции. Главная причина революции — не “раскачивание лодки оппозицией”, а кризис старого порядка. Жизнеспособные режимы не гибнут, они сопротивляются раскачиванию. Легкость гибели царизма в Феврале, отсутствие сопротивляемости и защиты — показатель глубины кризиса, степени распада старого режима. Тот же путь деградации и вырождения повторила в начале 90-х годов советская власть. И у нее не оказалось не только защитников, но и воли к самозащите. Революция — судьба режимов, не способных к реформам, к саморазвитию. При таких обстоятельствах революция предстает как единственный путь осуществления назревших преобразований.

Старый режим в значительной мере предопределил и решение вопроса, какой должна быть революция, поставленного еще в 1905 г. и приобретшего особую остроту после Февраля. Революционный процесс спрессовала не только воля В.И. Ленина, но прежде всего намеренное торможение

³⁰ Солженицынские тетради. Материалы и исследования (альманах). Вып. 5 / Ред.-сост. А. Немзер. М., 2016 // НГ ЕХ LIBRIS. 2017. 16 марта. С. 15.

³¹ Независимая газ. 2017. 14 марта. С. 3.

³² Там же. 16 марта. С. 2.

политического развития страны, “подмораживание России”. Если бы демократическая революция свершилась не в 1917 г., а на 50 лет раньше и, возможно, мирным путем (“революция сверху”), если бы в России установилась действительная конституционная монархия, сложились бы условия для нормального, постадийного исторического процесса, для расцвета буржуазного либерализма и целого периода экспансии капитализма в благоприятных для него условиях, когда политическая система была бы приведена в соответствие с экономическим потенциалом национального капитала. Поскольку этого не произошло, и архаичная полуфеодалная власть ревностно оберегала свою монополию, буржуазный либерализм отличался слабостью и несамостоятельностью. При фатальном запаздывании буржуазных преобразований в обществе зрели ростки новой, социалистической революции. Именно в силу этого Временное правительство, вызвавшее поначалу большой энтузиазм, оказалось столь же нежизнеспособным, как и царизм. Оно было сметено новой революцией и вряд ли это следует объяснять случайными обстоятельствами. По оценке Н.А. Бердяева, коммунизм был судьбой России, и это не менее верно, чем другое его суждение: революция — явление провиденциальное. В основе и того и другого лежит историческая закономерность, а не случай или злой умысел.

Н.А. Бердяев оправдывал русскую революцию или проявлял к ней снисхождение еще и в другом плане. Всякая революция, рассуждал он, терпит поражение относительно провозглашенных ею целей, т.е. приводит не к тем результатам, которые от нее ожидали. Ясно, что в СССР не было ни коммунизма, ни развитого социализма, ни демократии, ни свободы личности, которая, по замыслу, должна была стать условием свободного развития всех. Но это недостаточное основание для вывода, что идеалы равенства и социальной справедливости утратили ценность, что их нужно решительно отвергнуть или предать забвению. Стоящие ли это идеалы и почему они не осуществились — вот проблема, которая должна быть поставлена в юбилейный год. Ее решение предполагает анализ капитализма и социализма, теоретического и реального как в российском варианте, так и в международном контексте, четкое отношение и к тому и к другому. Здесь-то и не обойтись без плюсов и минусов, без политических характеристик. Поминовения героев “в ратном деле и труде” мало. Оно не заменяет анализа всей истории советской власти и выявления в ней побед, достижений, провалов, злоупотреблений и преступлений. Серьезная современная идеология, в отличие

от пропагандистской и прикладной, немислима без такого анализа.

Сугубо легитимистский подход к революции неуместен. Ясно, что и захват власти, и революционные преобразования были незаконны с точки зрения старой правовой системы. Но это не дает основания признать их ничтожными. Видимо, это — один из случаев, когда следует руководствоваться нормативностью фактического и воспринимать результаты революционных преобразований как данность. Сейчас много говорят о незаконности национализации частной собственности в ходе революции, но более актуальной представляется незаконность денационализации, приватизации 90-х годов. Собственность не вернулась к тем, кто был ее лишен. К тому же огромные национальные богатства создавались трудом новых поколений, которые пользовались общественной собственностью в соответствии с советскими законами и не несут ответственности за поступки своих предков. Приватизация лишила их значительной доли национального достояния, умноженного их трудом, создала новый класс крупных собственников и новое вопиющее социальное неравенство, лишенное всяких исторических корней. Приватизация — первородный грех постсоветской власти, в котором она не покаялась и пребывает в нем до сегодняшнего дня. Она требует принудительной оценки в контексте анализа современного российского общества и проблемы социальной справедливости.

Итак, намечается два идеолого-политических направления в связи со столетием Великой Русской революции.

Первое состоит в том, что революция рассматривается как злосчастное явление, подорвавшее якобы христианские устои национальной жизни и государства. Суть этой позиции в том, чтобы воспитать отрицательное отношение ко всякой революции, противопоставить ей верность традиционным ценностям и избежать повторения революционных бурь, вверяя дело организации и переустройства общества всецело государственной власти. Некоторые новые нюансы рассматриваемой позиции заключаются в том, что борьба с современными сторонниками высокой оценки Октябрьской революции ныне не выдвигается в качестве цели. Наоборот, ставится задача национального примирения и единства. Ради этого признаются величие революции и некоторые исторические завоевания советской власти, не сводимые только к победе в Великой Отечественной войне. Идея национального единства вызывает сочувствие и поддержку, но не снимает вопроса о его социально-политической основе, об отношении к итогам революции, т.е. наследию советской

власти, который представители этого направления сознательно обходят. Намеренная аморфность и противоречивость этой идеологии прикрывает ее антиреволюционный характер и явное предпочтение, отдаваемое дореволюционным и современным капиталистическим порядкам.

Второе направление исходит прежде всего из исторической закономерности, своего рода неизбежности русской революции. Ее трагизм и жестокость, лишения и беды, которые она принесла народу, нелепо отрицать или игнорировать. Но величие революции не измеряется масштабами катастрофы, за революцией признается созидательный вклад в российский и мировой исторический процесс. Если оценивать значение революции исключительно мерками национального величия, то что, как не советская власть, превратило Россию в сверхдержаву? Второй подход отвергает не преступления советского строя, а попытки вычеркнуть важнейший этап из истории страны, объявить его обвалом, тупиком, прыжком в пропасть, выпадением из мирового исторического процесса. Второй подход исключает национальную стратегию, игнорирующую советский этап, т.е. результаты революции не только отрицательные, но и созидательные, не учитывающую поставленную революцией проблему социальной справедливости. Он способен создать основы политики, обращенной в будущее, а не в прошлое. Предпочтительность второго подхода с научной точки зрения представляется очевидной.

Т.Н. Радько, профессор кафедры теории государства и права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юрид. наук, заслуженный юрист РФ. О теоретической подготовке Великой Октябрьской революции в России

Октябрьская революция 1917 г. произошла не сама по себе, а свершилась как реализация идеи о глобальном преобразовании мира. Идей об изменении общественного устройства было много, но именно идея социалистической революции, авангардом в которой должен быть рабочий класс, оказалась наиболее воспринятой и реальной в России в 1917 г.

При этом нельзя не учитывать, что для успеха революции 1917 г. велась настойчивая и последовательная теоретическая подготовка сторонниками завоевания государственной власти вооруженным путем, последователями идей К. Маркса и Ф. Энгельса о диктатуре пролетариата. Наиболее последовательным и убежденным продолжателем этих идей в России был В.И. Ленин, который в своих трудах постоянно подчеркивал и отстаивал идею К. Маркса о том, чтобы в ходе

революции не передавать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а сломать ее, и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции³³.

Накануне Великой Октябрьской революции 1917 г. В.И. Ленин написал множество писем, статей и работ, обосновывающих идею взятия и удержания власти пролетариатом. Наиболее важные из них: “Письма из далека”, “Задачи пролетариата в нашей революции”, “Удержат ли большевики государственную власть”, “Вся власть Советам”, “Война и революция” и др. Но особенно значительной в этом плане была его работа “Государство и революция”. Хотелось обратить внимание на подзаголовок: “Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции”. Этот подзаголовок определял суть данной работы, которая была одним из главных теоретических обоснований будущих активных действий революционных сил в России, программой взятия власти и удержания ее пролетариатом.

Во всех указанных трудах обосновывалась также идея о том, что революционный процесс должен быть завершен созданием государства нового типа — государства трудового народа, государства трудящихся.

Говоря об огромной теоретической подготовке Великой Октябрьской революции, которую вели большевики, нельзя обойти вниманием известные “Апрельские тезисы”, которые фактически явились боевой программой для революционно настроенной части населения России, а также ее стратегическим курсом на перспективу. Именно в них ясно и открыто было заявлено о необходимости перерастания революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую. Особенно импонировал многим представителям революционного крыла лозунг: “вся власть Советам!” в качестве политической формы будущего пролетарского государства.

“Не парламентская республика, возвращение к ней от С.Р.Д. было бы шагом назад, — а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху”, — писал Ленин. И это на тот момент с точки зрения задач революции было правильным решением, так как Советы стали революционно-массовыми организациями, именно они были призваны заменить старые государственные учреждения власти.

³³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 172.

Курс на победу социалистической революции соответствовал главному, исходному принципу теории К. Маркса и Ф. Энгельса, заключающемуся в том, что переход от капитализма к социализму невозможен без установления диктатуры пролетариата. В России, по Ленину, лучшей политической формой будущего пролетарского государства должна быть республика Советов. Причем у Ленина с целью привлечения все большего числа народа к революции постоянно расширяется социальная база Советов. Сначала Советы рабочих депутатов, вскоре Советы рабочих и крестьянских депутатов, затем Советы рабочих, крестьянских и батрацких депутатов и наконец, Советы рабочих, батрацких, крестьянских и солдатских депутатов. В ходе революции Советы будут дополнены с учетом местных условий матросскими, казацкими и другими депутатами. Это свидетельствует об учете большевиками конкретных условий развития революционного процесса в стране, о тесной связи теории и практики революционной борьбы.

Следует также отметить, что теоретическая подготовка к революции велась не только в 1917 г. Уже накануне, в 1912–1916 гг., в условиях острой борьбы с “ревизионистами”, “реформистами” и т.д. (по Ленину, “оппортунистами всех мастей”) по вопросам роли пролетариата в революции, о диктатуре пролетариата, о социалистической демократии В.И. Ленин упорно отстаивал идею вооруженного способа взятия власти пролетариатом и установления диктатуры пролетариата как якобы новой формы демократии. Он не видел других способов завоевания власти и иной сущности государства кроме диктатуры пролетариата, хотя иные варианты, безусловно, были.

В 1916 г., ведя дискуссию с Ю. Пятаковым (П. Киевский) о путях построения социализма в мировом масштабе, Ленин пишет: все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований³⁴. Как видим, даже “в той или иной разновидности”, но без диктатуры пролетариата прийти к социализму, по Ленину, невозможно.

Несколько позднее, анализируя идеи К. Маркса, он повторит эту мысль: “Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм,

но сущность при этом будет неизбежно одна: диктатура пролетариата”³⁵.

Вдохновляя рабочих, вовлекая их в революционную борьбу, развивая революционную теорию, Ленин напишет: “Только пролетариат в силу экономической роли его в крупном производстве способен быть вождем всех трудящихся и эксплуатируемых масс”³⁶.

Я остановился далеко не на всех теоретических положениях, а лишь на самых известных из работ К. Маркса и В.И. Ленина, в которых обосновывалась идея социалистической революции. Но должен сказать, что таких монографий, статей, выступлений, писем очень много. Поэтому говорить, что революция в Октябре 1917 г. в России — это случайное стечение обстоятельств, что если бы не..., то ее не должно было быть, т.е. она не произошла бы, значит, исказить историческую истину. Октябрьская революция произошла потому, что она готовилась заранее, по крайней мере ее теоретическая база была достаточно основательной, ее проект был предварительно разработан. Итоги этого проекта, к сожалению, противоречивы. Оценку им уже дает и будет давать история.

Великий русский поэт С.А. Есенин правильно сказал: “Большое видится на расстоянии”. Значит, нам нужно время, чтобы более глубоко и более верно оценить роль и значение того события, о котором идет речь сегодня.

Необходимо затронуть еще один вопрос, касающийся Октябрьской революции. В связи с ее столетием появилось немало заявлений со стороны либералов, умышленно или по незнанию характеризующих эту Великую революцию как октябрьский переворот.

Называть переворотом одно из величайших событий XX в., событие, провозгласившим своими принципами мир народам, власть трудящимся, землю крестьянам, заводы и фабрики рабочим, за которыми пошли миллионы, повлиявшим на ход мировой истории, без лукавства просто невозможно.

Что такое государственный переворот, нам показали события в некоторых странах Латинской Америки, Ближнего и среднего Востока. Полковник вызывает к себе сержанта и дает команду: “Распорядок дня таков: до обеда строевые занятия, после обеда — меняем правительство”. Подобные факты соответствуют понятию “переворот”,

³⁵ Там же. Т. 33. С. 135.

³⁶ Там же. С. 25.

³⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 123.

хотелось, чтобы это поняли те, кто именует Великую Октябрьскую революцию переворотом.

Е.Л. Поцелуев, зав. кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Ивановского государственного университета, канд. ист. наук, доц. *Можно ли назвать Октябрьскую революцию 1917 г. великой?*

Это был сильнейший социальный катаклизм.

Во-первых, это была радикальная смена правящей *властной элиты*: осужденные, ссыльные, некоторые находившиеся в эмиграции в 1917 г. (В.И. Ленин (Ульянов), И.В. Сталин (Джугашвили), Л.Д. Троцкий (Бронштейн) и др. имели судимость) стали народными комиссарами, наркомками СНК – правительства страны, а Ленин – председателем СНК, т.е. премьер-министром. Наоборот, прежняя элита была расстреляна, как царская семья или была арестована, как министры Временного правительства. Глава Временного правительства А.Ф. Керенский бежал и в конце концов оказался в эмиграции.

Уже в ходе Февральской революции власть принадлежала не только Советам и Временному правительству, но и толпе – охлократия. В пользу этого говорит самовольное освобождение заключенных из тюрем Москвы, Петрограда и других городов; так называемые “аграрные беспорядки”, т.е. самовольный захват помещичьих земель и усадеб, их разграбление и поджоги; самосуд над служащими полиции, жандармами, духовенством, дворянами, офицерами и др. Позднее, в годы Гражданской войны, чуть не расстреляли приехавшего на фронт М.И. Калинина, поскольку он был одет как “буржуй”.

Во-вторых, произошел радикальный передел *собственности*: национализация промышленных предприятий, железных дорог и др. В период “военного коммунизма” была национализирована даже средняя и мелкая промышленность, и лишь в период нэпа ситуация изменилась. В соответствии со знаменитым Декретом о земле СНК, в основе которого лежали 242 крестьянских наказа о земле, земля перешла к тем, кто ее обрабатывал. Таким образом, с помещичьим землевладением было покончено. В ходе коллективизации созданы советские хозяйства (совхозы, их земля, оборудование и проч. – это государственная собственность) и коллективные хозяйства (де-юре – собственность членов сельхозартели, но де-факто, как известно, командовали ими партийные и советские органы).

Согласно Постановлению ВЦИК РСФСР от 2 января 1922 г. ликвидировалось церковное имущество, еще раньше, в декабре 1917 г., по

постановлению СНК имущество и капиталы церковных учебных заведений передавались Народному комиссариату просвещения (Наркомпросу).

В-третьих, кардинально изменилась *структура общества*: были ликвидированы такие классы (если использовать марксистскую терминологию), как буржуазия и помещики, затем такая социальная группа, как крепкие крестьяне (“кулаки”), уничтожено купечество (сословие или страта), произошло расказачивание, крестьяне стали рабочими совхозов и колхозниками. Интеллигенция осталась, но ее состав претерпел серьезные перемены: часть так называемой буржуазной интеллигенции была лишена работы, подверглась гонениям, эмигрировала или, по сути, была выслана из страны (символом этого стал “Философский пароход”), пополнилась “красной профессурой”, выпускниками советских вузов – выходцами преимущественно из трудящихся классов. (Сравните: в дореволюционной России, когда выпускника юридического факультета Императорского университета оставляли при кафедре, то он практически никогда не начинал сразу преподавать. Вначале он уезжал на годичную или даже на два-три года стажировку в заграничные университеты: в первую очередь немецкие, а также французские, итальянские, реже – английские. Слушал лекции выдающихся ученых: таких как К.Ф. фон Савиньи в Берлинском университете. С.А. Муромцев во время такого пребывания даже публиковал в столице Германии свою научную статью. Такие стажировки практиковали и выпускники других факультетов университетов, например медицинского, химического. Немцы, помня об этом, издали книгу “Русский Гейдельберг. История немецко-русских связей в 19-м столетии”³⁷. В ней ее автор, В. Биркенмайер, пишет о том, что в Гейдельберге в разное время находились ректор Санкт-Петербургского университета П.Г. Редкин, врач и популяризатор в области образования Н.И. Пиров, композитор и химик А.П. Бородин, физиолог И.М. Сеченов, химик Д.И. Менделеев, этнолог Н.Н. Миклухо-Маклай, композитор Н.А. Римский-Корсаков, поэты Саша Черный и Осип Мандельштам и др. В г. Марбург (ФРГ) также не забывают о том, как постигал науку в их университете М.В. Ломоносов.)

Резко сократилась в советское время численность духовенства: были убиты (в том числе заживо погребены солдатней), расстреляны и осуждены по приговору судебных и внесудебных органов

³⁷ *Bierkenmaier W.* Das russische Heidelberg. Zur Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen im 19. Jahrhundert. Heidelberg, 1995. S. 105.

(“двоек”, “троек”) и погибли в концлагерях, стали мучениками за веру, некоторые причислены к лику святых. Как утверждают специалисты, среди репрессированных по самым разным делам всегда были священнослужители и/или активные прихожане. Когда в Поволжье был голод, то большевики решили реквизировать церковные ценности, церковную утварь, предметы культа, чтобы после их реализации на эти средства закупить продовольствие.

Экспроприация церковных ценностей встретила в ряде мест сопротивление духовенства и прихожан, как, например, 15 марта 1922 г. в г. Шуя Ивановской области. Тогда несколько человек были убиты и 10 ранены. Большевики этим воспользовались (В.И. Ленин в секретном письме членам Политбюро ЦК РКП (б) потребовал беспощадно наказывать черносотенное духовенство, как можно больше расстрелять реакционных священников) и сурово наказали протестовавших: по приговору выездной сессии Верховного трибунала ВЦИК 10 мая того же года два духовных лица и один мирянин были расстреляны. В 2007 г. в г. Шуя на Соборной площади у подножия колокольни Воскресенского собора был открыт памятник пострадавшим за веру (автор проекта – А.Н. Рукавишников).

В сталинский период никто не был застрахован от уголовного преследования, даже члены Политбюро, поскольку у кого-то жена была “врагом народа”, например Полина Жемчужина – супруга В.М. Молотова (Скрябина). Были репрессированы родственники А.И. Микояна и др. Существовали концлагеря (в апреле 2013 г. мы со студентами юридического факультета ИВГУ, участниками немецко-российского научного семинара “Охрана и защита прав человека нормами уголовного и уголовно-процессуального права”, провели несколько часов в концлагере Дахау, недалеко от Мюнхена, и видели, как много автобусов с немецкими школьниками приезжают в это скорбное, трагическое место и, надеюсь, получают прививку от национал-социализма, расизма и т.п.) для жен изменников Родины (ЖИР), членов семей изменников Родины (ЧСИР) и др.

Страх пребывал практически во всех слоях общества. Это был геноцид собственного народа. Это был преступный режим. Как известно, “шахтинское дело” (“шахтинский процесс”), дело “Промпартии” и т.п. процессы были сфабрикованы.

В-четвертых, приход к власти большевиков привел к большим переменам *во внешней политике страны, разделил мир на два лагеря*. Если Временное правительство сохраняло верность Антанте, то большевики, как известно, заключили с Германией

унизительный, “похабный” Брестский мир с территориальными и финансовыми потерями для советской страны. Заключили такой мирный договор с государством, которое, в свою очередь, само проиграло затем Первую мировую войну. Большевики, следуя идее мировой революции, пытались помочь установить власть Советов в других странах. В этом русле был и неудачный поход наших войск на Варшаву...

За нападение на Финляндию в 1939 г. СССР был исключен из Лиги Наций.

Советский Союз вместе с союзниками по антигитлеровской коалиции победил фашистскую Германию, милитаристскую Японию и их сателлитов.

После этого образовались другие социалистические государства, была создана военная структура – Организация Варшавского Договора (ОВД) в противовес Североатлантическому альянсу (НАТО), а также Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). Пражская весна 1968 г. была подавлена с помощью танков государств – участников ОВД: СССР и ГДР. Мир стал биполярным. Советский Союз поддерживал народы колоний в их борьбе за независимость.

Считается, что первый этап кризиса колониальной системы наступил после Октября 1917 г., второй – после окончания Второй мировой войны, а третий, он же последний, – в конце 50-х – начале 60-х годов. 1961 год вошел в историю как год освобождения Африки. Не случайно мощное Движение неприсоединения возникло именно в этот период и уже тогда насчитывало немногим более 100 стран. Часть развивающихся стран взяла курс на сотрудничество с СССР, КНР и др. – страны социалистической ориентации. КПСС финансово поддерживала коммунистические партии зарубежных стран. В некоторых из них (например, во Франции и в Италии) они были влиятельной политической силой в послевоенный период.

В-пятых, несомненно влияние нашей страны на *международное право*. В.И. Ленин провозгласил политику мирного сосуществования. Западным державам пришлось официально признать не только советское правительство, но и советское государство. Один из принципов Устава ООН – это принцип сотрудничества государств в различных сферах. В.И. Ленин пропагандировал идею о праве народов (наций) на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного независимого государства. Это коллективное право также закреплено в Уставе ООН. До получения независимости Косово считалось, что этим правом можно воспользоваться только в границах существующего

государства, если только конституция (как, например, в Канаде) не предусматривает сепарации (лат. *secessio* — уход, *secedo* — ухожу). Де-факто принципы территориальной целостности, нерушимости и неприкосновенности границ были выше права народов (наций) на выход из состава государства и образования своего государства (или присоединения к другому государству). Кто-то образно заметил после признания США и странами ЕС независимости Косово: ящик Пандоры открыт...

При активном участии советского руководства был принят Устав Международного военного трибунала 1945 г. и вынесен Нюрнбергским трибуналом приговор главным нацистским преступникам (рядом с тюрьмой, где содержались военные преступники, и зданием суда, где проходил процесс, функционирует городской музей, посвященный Нюрнбергскому трибуналу, в котором мне довелось побывать в июне 2016 г. вместе с участниками X Международного ДААД — семинара “Международное уголовное право в теории и практике”). В 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН подтвердила принципы международного уголовного права, закрепленные в Уставе Международного военного трибунала в Нюрнберге. При принятии Советом Безопасности в 1993 г. Устава МВТ по бывшей Югославии во многом учитывались принципы и нормы, апробированные в Нюрнберге, как и при принятии в 1998 г. Римского статута Международного уголовного суда.

Таким образом, Октябрьская революция оказала гигантское воздействие как на нашу страну, так и на многие другие страны, причем как негативное, так и позитивное, поэтому ее можно поставить в ряд **великих революций**. Большевики (коммунисты) власть в нашей стране и большинстве других стран потеряли, но мир уже никогда не будет прежним.

В.Н. Расторгуев, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заместитель председателя Научного совета при Президиуме РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, доктор филос. наук. *Столетие российской революции и дух современности: великое наследие или поражение, прогресс или разновидность утопии?*

Начну с того, что отчетливо понимаю: какое бы название я не попытался найти для своего доклада о событиях столетней давности, мне придется дать определение каждому из понятий, из которых оно составлено. Даже наследие прошлого — это не только достояние, заслуживающее сбережения, но и угроза будущему, от которой следует защищать тех, кому оно принадлежит. Даже если

я сумею ни разу не допустить ни малейшей подмены понятий, каждый из слушателей совершит такую подмену — все зависит от “предзнания”, т.е. от наших уже заложенных самим образованием установок и политических предпочтений. Это и по той причине, что мы имеем дело с языком, “попорченным” политикой, — политическим новоязом, где каждое слово отсылает не столько к реальным фактам, сколько к той или иной политической доктрине, учению или научной школе. Но мы не можем, увы, каждый раз, упомянув о революции, погружаться в глубины языковой рефлексии, а потому в процессе коммуникации не замечаем огромного числа ежеминутно совершаемых фальсификаций — вольных или невольных. Да и эволюция, а точнее, революция в системе научных знаний о природе фальсификации — не что иное, как дополнительное свидетельство недостижимости “беспорочных” интерпретаций. Но если хотя бы на минуту остановиться и подумать над смыслами понятий, через которые мы всматриваемся в историю, то взору откроются интереснейшие парадоксы и связи явлений, в том числе и причинно-следственные, что я и попытаюсь продемонстрировать.

Первое, что вызывает сомнение, — наше право судить о революции от имени современности. Зеркало современности не столько отображает мир, сколько искажает его. Начнем с простейшего вопроса о том, существовало ли когда-нибудь в Европе по-настоящему современное общество? Вопрос относится к Европе по той причине, что именно европейская мысль всегда была озабочена стремлением к современности, поскольку до сих пор не утратила уверенности в том, что только здесь, в европейском опыте, можно обрести образцы подлинной современности. Как подметил Б. Виттрок, который искал хотя бы один пример пусть даже частичного совпадения представлений о современности, которые свойственны политикам и политологам, с реальностью, таких случаев в истории Европы не удается обнаружить. И не удастся, если не считать разве что “конституционное чудо”, которое произошло после поражения России в войне 1904–1905 гг. против Японии, в самом преддверии Великой революции. Он имел в виду, как это ни парадоксально звучит, “самую современную и демократическую форму представительства”, сложившуюся в Финляндии в тот период, когда она оставалась Великим герцогством в составе Российской Империи. Речь идет и о полноценном сословном представительстве в традиционной национальной ассамблее, и о воплощении принципа всеобщего избирательного права для мужчин и женщин (в Государственной думе России предреволюционного времени об этом и не

мечтали, что было одним из факторов, вызвавших “женский бунт”), и о представительстве социалистов (40% мест)³⁸.

Все другие мыслимые представления о современности, через которые мы пытаемся пробиться к пониманию природы русской революции (точнее, к смыслу так и не осуществленной мировой революции) и к оценке итогов ее свершений и поражений, еще более размыты, чем термин “революция”, а порою и просто бессодержательны. Под современностью понимают наряду с высшими достижениями прошлого (при этом у каждого свои критерии для селекции “лучшего” и границах прошлого – своего и чужого) радикальные инновации. В число таких инноваций входят и те политические идеи, и те социальные реальные перемены, которые намертво отделяют прошлое от будущего, требуя табуирования базовых смыслов, обеспечивающих преемственность культур и поколений – тех же установочных представлений о ценности институтов семьи, материнства и детства, о гендерных ролях и различиях. Самое примитивное представление о современности как о данности (режим “онлайн-реальности”) легко сливается в сознании миллионов и, что особенно поразительно, в мышлении теоретиков и политиков, рассуждающих о современности (!), с их же оценочными суждениями, которым они полностью следуют, но которые каждый раз выпадают из их поля зрения и рефлексии. При этом под современностью подразумевают наряду с деяниями, несущими благо (сугубо позитивная и привычная коннотация), проявления абсолютно зла во всех его разновидностях, включая сюда и современные формы рабства, и хабитуализацию “современного каннибализма”. Примеры – та же трансплантология, поставленная на поток и технологически оптимизированная, т.е. сращенная с проектами “окупаемости” локальных войн, без которых трудно представить себе современные военные стратегии. Сюда же можно отнести и бесконечно длинный перечень так называемых современных средств массового поражения.

Причем данная серия трактовок современности – только прелюдия к сопоставлению не имеющего счета набора несовместимых, но намертво слитых смыслов уже по той простой причине, что каждый из нас волен выбирать *свою современность* – будь то чужая культура-образец (иногда не имеющий в реальности ничего общего с иллюзорным образом) или навязанная самоидентичность

(здесь доминирует ныне коммерциализованный выбор возрастных и прочих ролевых субкультур). Но самое широкое поле для выбора современности – поиск современников по духу и дару, легко преодолевающий все временные и пространственные границы эпох и стран. У каждого из нас есть или могут быть *свои современники*. А право на такой поиск относится к числу естественных и неотъемлемых прав, которые есть и у людей, и у социумов, в том числе и у наций.

Многие новые поколения осмысливают и принимают свою принадлежность к собственному народу, признавая *своими* вождей и героев, в том числе революционеров, не брезговавших массовым террором, стоявших в одном ряду с властителями дум и даже святыми мучениками, погибшими в жерновах революций. Например, я учился, а потом и работал в Тверском государственном университете, который располагался на пересечении четырех улиц, носивших имена героев революции – бомбистов Желябова и Каляева, а также организаторов массового террора – Володарского и Урицкого. При этом подавляющее большинство не замечает того факта, что отношение к именам, внесенным в “память национальной идентичности”, неоднозначно с позиций как самоидентификации, так “голой фактологии” или теорий, вольно трактующих факты, находя причинно-следственные связи там, где их нет.

Но вернемся к слову “революция”, которое для многих имело в прошлом, имеет ныне и, несомненно, будет иметь в будущем сугубо позитивную и вечную современную коннотацию – неизбежного социального обновления, прорыва в будущее, который неизбежен, ибо за ним стоят объективные законы развития общества. Признать это суждение как бесспорный факт мешает лишь одно обстоятельство: у каждого из носителей знания о законах развития сложились сугубо свои представления о том, в чем они заключаются. Отсюда – непримиримая борьба великих учений, идеологий-проектов. При этом почти каждый из учителей такого типа уверен, что во имя якобы “законного” обновления и прогресса можно без сожаления пожертвовать миллионами жизней и поставить под вопрос существование целых народов. Например, в марте французы отмечают как национальный праздник День Парижской коммуны, хотя за всю “посткоммунальную” историю они не приблизились к единству в оценке этих роковых событий. По иронии судьбы в этот же день, 18 марта по новому стилю, но в 1920 г. Ленин на II Конгрессе Коминтерна пообещал всему миру, что через год, к 50-летию Коммуны, Франция должна стать и станет советской республикой...

³⁸ См.: *Виттрок Б.* Современность: одна, ни одной или множество? (Европейские истоки и современность как всеобщее состояние) // Полис. Политические исследования. 2002. № 1.

В чем же причина разрыва между “планами знающих” и реальностью: в недостаточности и фрагментарности наших знаний о законах или в том, что их вовсе и нет, если верить К. Попперу, которому мы обязаны, кстати, революцией в теории фальсификаций? Именно Поппер предпринял попытку обосновать тупиковый и заведомо утопический характер любых радикальных проектов и учений, а также учений-проектов глобального переустройства мира, но, думается, не решил эту проблему, а придал ей характер абсурда. Более того, он тем самым против собственной воли оказал услугу радикалам, внося свою лепту в легализацию возрождающегося фашизма. Если его идеологи помещены Поппером в одно сообщество с Платоном и Гегелем, то у любого человека, зараженного подобной идеей, возникает закономерное сомнение: так ли страшен сей идол абсолютного зла, да и что страшнее — бесчеловечность радикальной политики или радикальное отсечение от науки основателей ее великих школ? Абсурдность подобной логики в том, что, по Попперу, главным источником утопической социальной инженерии всегда был и остается сам принцип историзма, на котором держится все мировое знание. Отсюда и отождествление историзма и фашизма, страны-победителя, освободившей мир от чумы нацизма, и самой чумы... Если тщательно изучить аксиоматику наиболее распространенных современных (в данном контексте правильнее сказать — нынешних) западных политологических школ, то несложно подтвердить гипотезу о том, что “уравнение Поппера”, т.е. уравнение победителя зла и самого зла, постоянно воспроизводится и входит в арсенал мнимых “научных аксиом”, искажающих реалии и, к слову, легализующих и разжигających утробную русофобию.

Нет единства, разумеется, и у миллионов людей, не испытывающих ни малейшей эйфории при упоминании революций. У кого-то этот термин ассоциируется только и исключительно с неограниченным террором, что почти всегда подтверждается в реальной истории, или с крушением базовых цивилизационных основ мира и всех социальных устоев, с разгулом черни, истреблением лучших и обнищанием масс. У кого-то открывается и понимание того бесспорного факта, что за великими потрясениями, революциями и их спутниками — массовым террором, геноцидом и гражданскими войнами — стоят, как правило, интересы немногих теневых игроков — лиц и групп, которые ставят на кон жизнь целых народов и цивилизаций: “кому война, кому мать родна”...

Сразу скажу, что я в данном случае признаю правомерность даже взаимоисключающих позиций, поскольку у всего есть цена — и у прогрессивных сдвигов, и у поражений, которые преследуют как жертв, так и победителей. Достаточно перечитать “Горе победителям” Н.Я. Данилевского, чтобы убедиться в правомерности такого словосочетания. В самом слове “революция” вычитывается его исходный, этимологически обусловленный и, пожалуй, главный смысл: революция — это всегда возвращение в развитии, ре-эволюция. И действительно, всякая революция являет собой не только прорыв к новым горизонтам и масштабам социальных преобразований, которым препятствуют пороки, заложенные в эволюции (особенно в ее социал-дарвинистском толковании), но и еще более масштабную архаизацию общества. Революция — это не что иное, как грандиозный провал в прошлое на витке восхождения — погружение в варварство и даже дикость, если следовать классификации А. Фергюсона, который отличал цивилизованность от дикости и варварства, связывая дикость с отсутствием собственности, а варварство — с отсутствием законов, способных её защитить. И это, кажется, не совпадения, а закономерность: при ближайшем рассмотрении архаизация и прогресс — две стороны одной медали.

В русской революции явным и наиболее значимым признаком архаизации было возвращение в язычество в самых различных его формах, что нанесло наиболее сильный, но не смертельный удар по цивилизационной идентичности России, который мы ощущаем и сегодня. Все дело в том, что революция, раскрывшая свой разрушительный и созидующий потенциал в наиболее радикальной — большевистской версии, пробудила в народе не только низшие, но и высшие качества: за оболочкой государственного атеизма как особо изощренной разновидности неоязыческих культов пробудилась и надежда на высшую справедливость, на подлинную социальную солидарность. Под коростой жесткой политической идеологии, претендовавшей на роль универсального и безальтернативного геополитического проекта, ожила глубинная цивилизационная идентичность, благодаря которой Россия и сложилась как Великая держава.

А.С. Панарин — едва ли не самый оригинальный из политических мыслителей нашего времени, на которого не действовали чары “великих учений”, в своей книге “Православная цивилизация” подметил эту парадоксальную связь разнонаправленных тенденций. По его мнению, именно благодаря социалистической революции Россия столь легко “поверила в человеческое братство,

в подлинную солидарность народов, разделенных войной, в способность людей строить праведный порядок". Гибельные последствия сокрушительного военного поражения и экономической разрухи, вызванных революцией и не давших России встать в ряды победителей Первой мировой войны и, соответственно, в ряды имперских распорядителей мира, обернулись возвращением России к ее исторической миссии: «Выбыв из “первого мира” колониального Запада, она повернулась к миру колонизованного Востока и остановила в конечном счете процесс мировой колонизации. Можно сколько угодно говорить о геополитических играх Сталина, — продолжает свою мысль Панарин, — о советской империи, но факт остается фактом: Россию в этом исходе из первого мира вдохновляла великая христианская идея союза со слабыми и гонимыми против сильных и наглых. Какое бы идеологическое, “научно-коммунистическое” оформление не претерпела эта идея, именно заложенный в ней православный энергетический импульс сообщил ей необычайную мощь, убедительность и вдохновительность»³⁹.

В то же время Панарин хорошо понимал, что гибель великого социалистического проекта, реализованного в России, обусловлена прежде всего политикой государственного обезбоживания, расцерковлением народа: “Нам сегодня интересно не столько то, почему Россия в лице Советского Союза возродилась как сверхдержава, сколько то, почему она снова погибла, лишенная подлинной церкви”. Развивая эту мысль, он пишет, что предвидит реакцию читателя на такую позицию: “Некоторые, пожалуй, скажут, что автор этих строк — какой-то странный архаист, в лучшем случае — консервативный романтик, надеющийся на возрождение того типа сознания, которое безвозвратно ушло в прошлое”. И здесь он задает вопрос, в котором и заключен возможный ответ: “Не правильнее было бы ожидать появления какой-то новой светской идеологии, в чем-то наследующей социалистическую и призванной скорректировать нынешние тенденции экономического тоталитаризма, не признающего никаких социально-политических сдержек и противовесов?”⁴⁰. Впрочем, некритически принимать этот ответ, по мнению Панарина, не следует, как и не следует механически копировать чужое, поскольку сама технология производства и внедрения любых идеологий — это сугубо западный опыт вытеснения традиционной цивилизационной идентичности.

³⁹ Панарин А.С. Православная цивилизация. М., 2014. С. 40.

⁴⁰ Там же. С. 410.

Ю.С. Завьялов, профессор кафедры теории государства и права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), канд. юрид. наук

Для историка определение хронологических рамок начала и окончания того, что мы называем революцией, имеет самодовлеющее значение. Для теоретика такой факт может быть снят. Важность приобретает определение принципов и оснований нового общества, пришедшего на смену старому в результате революции. В России к началу 1917 г. монархия утратила связь с народом, интеллигенцией, прогрессивной частью элиты, потеряла социальную опору и сама себя изжила. Крестьяне требовали земли, городские рабочие — лучших условий труда, разночинцы — политических свобод, все вместе — прекращения никому не нужной войны и решения внутренних проблем страны. Решить это царский режим оказался неспособен. Революция стала неизбежной. Она привела полностью к замене существовавшего строя на новый общественно-экономический уклад — советское социалистическое общество. В сфере экономической провозглашалось безраздельное господство общественной социалистической собственности, в политической сфере — власть трудящихся, в социальной — союз дружественных классов рабочих и крестьян, в национальной — дружба народов, в духовной сфере — церковь отделялась от государства и отдавался безусловный приоритет марксизму — марксистскому диалектическому материализму как методу познания и объяснения социальных процессов. Именно он служил теоретическим обоснованием социальных преобразований всех сфер советского социалистического общества.

Люди поколения, к которому принадлежу и я, родились в обществе, которое уже конституировало себя в новом историческом облике, с четкими очертаниями государства и права.

Но прежде чем начать разговор о них, укажу на важное, с моей точки зрения, обстоятельство. Существует некоторая дистанция между теоретическим осмыслением того, о чем мы высказываем суждения, условно, сферой чистой мысли и эмпирической стороной вопроса, предметом мысли, т.е. тем, как этот предмет выглядит в действительности. Сосредоточусь на первом аспекте. Во-первых, в отечественной юридической науке считалось, что в основе исторического возникновения государства и права лежат одни и те же глубинные причины. Следовательно, государство и право могут быть рассмотрены как близнецы-братья, тесно связанные между собой. Если классовое государство рассматривалось как комитет по заведению общими делами господствующего класса, то право

по сути своей считалось выразителем воли последнего. Функции государства и права в классовом обществе рассматривались как вытекающие из классовой природы государства и права, из природы самого общества, так и из относительной самостоятельности государства. В условиях социализма функции государства и права объяснялись природой самого общества, граждане которого рассматривались как труженики единого всенародного синдиката. На первых порах в ходе культурных духовных преобразований миллионы неграмотных и малограмотных научились читать и писать, а впоследствии независимо от социального происхождения и положения получали высшее образование. Если под социальным государством понимать такое, которое лицом повернуто к своим гражданам, то советское государство могло быть названо таковым (бесплатное получение жилья, почти поголовная трудовая занятость и др.).

Любое государство, обладая относительной самостоятельностью, имеет тенденцию к отчуждению от общества. Подчас интересы бюрократии ставятся выше интересов общества. Такое могло наблюдаться в Советском Союзе. Этой тенденции должны были противостоять антитенденции, которые выражались в развитии общественных начал в управлении государством, передаче части функций от государства к общественности, сейчас бы сказали, гражданскому обществу.

Право рассматривалось как выражение интересов и воли народа. Здесь не лишнем было бы упомянуть Руссо, полагавшего, что в основе юридических законов, действующих в обществе, должна лежать общая воля суверена и ничто не могло называться законом, кроме того, что законом признавал суверен. В условиях советского социализма это находило выражение во всеобщей обязательности труда, в распределении по принципу “от каждого по способности, каждому по труду”, в доминировании общественных интересов над личными и др. Уголовное законодательство преследовало за tuneядство, запрещало спекуляцию и ростовщичество и т.д.

Ставился вопрос о сужении правового регулирования. Независимо от того, какую оценку мы давали и даем прошлому советскому общенародному государству и праву, мы эту теоретическую модель мысленно прикладываем к тому, что является в настоящее время современным государством и правом в России. Пожалуй, заметно, что сейчас общая теория государства и права нередко повторяет зады прошлого, стыдливого убрав марксистско-материалистические одёжки с этих социальных феноменов и облачив их в контовский позитивизм

ползучего толка. По поводу современного российского государства и права отмечу следующее.

1. Известно, что у каждого государства есть функции полицейского и попа. С первым в Российском государстве все в порядке, второе же в теории как бы исчезло, а в эмпирической жизни как бы есть. Идеологическая функция государства в теории оказалась утерянной.

2. Не рассматривается бюрократическая сторона современного государства. Рост численности государственного аппарата, значение гласности, соотношение лиц, занятых в государственном аппарате по назначенству или по избранию, сменяемость и др.

3. Регулятивная функция права. Мало исследуется вопрос о сужении или расширении сферы правового регулирования.

В условиях свободы труда, свободы выбора рода занятий, свободы конкуренции особое значение приобретает принцип, провозглашающий, “что не запрещено – то можно”. Именно здесь важно определение границ правового регулирования.

При выработке высшими органами государственной власти решений, которые затрагивают многих, желательно, чтобы эти многие участвовали в принятии таких решений. А для этого должны существовать определённые каналы, так называемые ремни средостения, которых сейчас нет.

4. Современное российское право рассматривается почти исключительно как средство гармонизации сталкивающихся интересов, и не придается значение его соотношению с крупной частной (олигархической) собственностью (налоги на крупный бизнес и др.).

5. Институты гражданского общества выступают не как средство обеспечения свободы граждан и их независимости от государства, а как подспорье в осуществлении Российским государством своих функций (различные общественные палаты).

С.В. Липень, профессор кафедры теории государства и права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юрид. наук. О научных исследованиях революций и революционной идеологии в теории права и государства и в истории учений о праве и государстве

Теоретические положения о социалистической революции и диктатуре пролетариата являлись неотъемлемой частью марксистско-ленинской теории государства и права, революционной идеологии как учению о революционном преобразовании общества значительное внимание уделялось

в истории политических и правовых учений советского периода.

Так, согласно положениям марксизма революционное изменение общества и государства сопровождается их развитие, переход от низшей к более высшей общественно-экономической формации⁴¹. Движущая сила последовательной смены исторических типов государств – классовая борьба, а сам этот процесс предопределен социально-экономическим развитием общества. Смена типа государства означает изменения в политической надстройке общества, которые вызваны развитием самого способа производства, производительных сил, требующих изменения и производственных отношений. Процесс смены исторических типов государства характеризуется объективностью, в целом он не зависит от воли и сознания людей, различные субъективные факторы могут ускорить или замедлить этот процесс, но не прервать или повернуть его в другую сторону. Каждый последующий тип государства является исторически более прогрессивным, чем предыдущий, их смена осуществляется в результате революции. Разработанные в рамках марксизма-ленинизма идеи о социальной революции включали характеристику буржуазных и пролетарских революций, обоснование их необходимости вследствие обострения антагонистических противоречий и создания революционной ситуации, выявление движущих сил революции, идеи о ее проведении, шагах по захвату власти и мероприятиях по переходу к новому обществу, об этапах революции, о диктатуре пролетариата. Соответственно, в истории политических и правовых учений советского периода детально рассматривалось развитие марксистско-ленинского учения, в том числе формирование и развитие взглядов К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина на революционное изменение государственного строя.

В современной теории права и государства практически отсутствует постановка общих вопросов о преобразовании (революционным или реформистским путем) общества и государства; почти то же самое можно сказать в отношении современной истории учений о праве и государстве, за немногими исключениями⁴² революционная идеология не рассматривается ни в учебной, ни в научной литературе.

⁴¹ См.: *Денисов А.И.* Теория государства и права. М., 1948. С. 107 (раздел “Государство и политическая революция”).

⁴² См., например: *История политических и правовых учений.* Учеб. / Отв. ред. В.В. Лазарев. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2016. С. 438–445.

Невнимание к марксизму в отечественной науке вполне объяснимо в последнюю четверть века. В то же время следует отметить, что в XX в. активно развивались немарксистские идеи о революционном преобразовании общества и государства, за рубежом известны социология революций, теория революций, сформировавшиеся в основном в рамках социологии и политологии. Мощный импульс этим исследованиям был дан объемной “Социологией революции” (1923 г.) П.А. Сорокина, на которую впоследствии ориентировались многие западные ученые. К настоящему времени один из современных американских исследователей Дж. Голдстоун считает свою структурно-демографическую теорию теорией революции уже четвертого поколения. В советское время немарксистская традиция в изучении революционной идеологии была практически неизвестна, в конце XX – начале XXI в. отечественная теоретическая юриспруденция также не может похвастаться серьезными исследованиями данного феномена.

Современная юридическая наука не может игнорировать идеи о революционном преобразовании общества и государственности. Таким образом, в теории государства и права вполне может быть восстановлена с учетом марксистских и немарксистских идей теория революций (реформ и революций), в истории учений о праве и государстве также следует выявить этапы развития идей о переломах и революционных преобразованиях.

Основные теоретические проблемы в научном изучении революций могут быть обозначены следующим образом:

понятие и понимание революции, возникновение термина, применимость его к историческим и современным преобразованиям, виды революций;

причины революций, характеристика общества, в котором назрели коренные изменения, специфика революционной ситуации;

ход и этапы революции, ее движущие силы, методы (в том числе роль насилия, диктатура пролетариата для пролетарской революции и т.д.);

цели революции, степень их достижения, революционное преобразование общества, государства и права;

оценки революций; революции и реформы; учение о революции и революционной идеологии в системе научного знания.

В исследовании основных проблем существует множество подходов, конкурирующих друг с другом. Как отмечает один из российских

исследователей западных доктрин, подводя краткий итог теории революции, можно констатировать, что на сегодняшний день нет единого, удовлетворяющего и принятого большинством определения революции; ни одна концепция не дает ответа на вопрос, почему революции характерны только для эпохи капитализма и неизвестны до первых буржуазных революций; нет согласия ни в вопросах причин, ни последствий революций. Одна из наиболее сложных проблем — классификация революций, нередко исследователи ударяются в крайность выделения многочисленных типов, видов и подвидов, сомнительную с методологической точки зрения. Показателен вывод: новому поколению исследователей теории революции предстоит давать ответы на все те же вопросы, пытаться разорвать движение по кругу одних и тех же идей и концепций, искать принципиально иные подходы⁴³. К этому следует добавить недостаточное внимание к собственно юридическим аспектам теории революции, которую в XX в. исследовали преимущественно социологи, политологи, историки.

В истории учений о праве и государстве можно выделить и охарактеризовать ряд этапов в развитии революционной идеологии, идей о переворотах и преобразованиях государственного строя. Термин “революция”, по признанию большинства исследователей, не применяется к событиям раннее Нового времени; тем не менее не стоит абсолютно игнорировать добуржуазную политическую мысль, содержащую множество интересных суждений о причинах и результатах коренных изменений государственного строя. Так, еще у Платона, Аристотеля, Полибия, других античных авторов мы находим идеи о смене форм правления, переходе одних форм правления в другие. Пожалуй, наиболее тщательное, многоаспектное рассмотрение проблемы изменения государственного строя содержится в книге пятой “Политики” Аристотеля, с его идеями о причинах преобразований и возмущений соотносятся взгляды П.А. Сорокина на причины революций.

В теории общественного договора обосновывалось право государства на повиновение со стороны граждан, одновременно рассматривалась возможность неповиновения или даже сопротивления несправедливым требованиям власти (требованиям нелегитимной власти) вплоть до права на восстание. Таким образом, договорные теории

XVII–XVIII вв., которые стали идейным обоснованием буржуазных революций этого периода, знаменуют собой второй этап в развитии революционной идеологии. Решение практических вопросов потребовало разработку вопросов о формах, пределах и моральном оправдании насилия по отношению к врагам революции, здесь показательны взгляды М. Робеспьера (“О принципах революционного правительства”, “О принципах политической морали”, 1793–1794 гг.).

Далее следует разработка революционной идеологии в XIX — начале XX в. в рамках марксизма, иных коммунистических и социалистических учений; четвертым этапом выступают исследования XX — начала XXI в.: теория и социология революции в зарубежной мысли, отечественные исследования советского периода в русле марксистской идеологии.

Таким образом, столетие событий 1917 г. в России актуализирует необходимость уточнения научного инструментария, используемого для объяснения причин, хода, результатов революции, для характеристики революционной идеологии, в рамках юридической науки это может быть сделано в теоретических и историко-политических исследованиях.

И.Н. Гаврилова, член правления Некоммерческого партнерства “Российское правотворческое общество”, доктор ист. наук, проф. *Революция и государство: исторический взгляд на Россию через 100 лет после Октябрьской революции 1917 г.*

В последнюю четверть века в нашей стране идет целенаправленный пересмотр отечественной истории, который начался поначалу как очищение от идеологических искажений и приукрашиваний, имевшихся в советский период, а затем трансформировался в заметный уже многим реваншизм, по сути, приведший к иным, куда больше прежних, искажениям. Зачастую очерняется всё или почти всё, чем гордились в советский период, обеляется практически всё, что подвергалось тогда критике и/или порицанию. В основе данного процесса лежит классовая природа общества, вследствие чего утвердившийся в начале 1990-х годов и укрепляющийся ныне капитализм нуждается в идейном обосновании путем исторической переоценки прошлого, оправдания современных преобразований, явно неудачных в большинстве своем и нанесших огромный урон России, ее восприятию в мире ныне и в будущем, но главное — усиливающих раскол в обществе.

Такое отношение к прошлому и настоящему неизбежно ослабляет государство, дезориентирует

⁴³ См.: Шульц Э.Э. Теория революции: к истории изучения, систематизации и современному состоянию // Научные ведомости БелГУ. Сер. “История. Политология. Экономика. Информатика”. Вып. 33. 2015. № 1. С. 172.

общество, еще более отбрасывает назад современную Россию, утратившую не только советскую идеологию, но вместе с ней конкурентоспособную экономику, большинство социальных завоеваний, мировой авторитет. Вполне закономерной в этой связи стала ревизия итогов Второй мировой войны, советской помощи в экономическом развитии тех или иных государств и проч.: если уж сами не можем прийти к консенсусу, что стоит ожидать от недоброжелателей нашей страны, коих всегда было предостаточно? В такой ситуации ни о какой общественной консолидации даже речи идти не может, к чему часто призывают в последнее время. При этом нынешний кризис капитализма показал и продолжает доказывать, что марксистский подход не потерял своей актуальности и через полтора столетия: открытые К. Марксом законы действуют и поныне.

В России до сих пор не утихают споры, начатые с начала 90-х годов, стоит ли вообще признавать события 1917 г. революцией, а не большевистским переворотом, как действительно называли сами участники и очевидцы событий тех лет. Забывая или не зная, что данное определение — революция — было дано несколько позже, когда стало понятно даже недругам тех революционных событий, что это было явление столь мощное по своим результатам (причем энергия масс была помножена на грамотное управление государством, что дало коммунитивный эффект), что привело к качественным изменениям социума и даже больше — мира в целом⁴⁴. Мы сумели стремительно подняться век назад на более высокую формационную ступень в кратчайшие по историческим меркам сроки, минуя некоторые этапы эволюционного пути, за что также критикуют большевиков их оппоненты, закрывая глаза, сколь в плачевном, отсталом состоянии была страна в начале XX в. и с какими вызовами ей еще предстояло вскоре столкнуться⁴⁵. Чаще всего сейчас можно услышать, что революция 1917 г. — это катастрофа, тупиковый путь и проч. Наверное, для кого-то скачок в развитии страны, ее уход от сохи, от неграмотности

подавляющей части населения — это не благо. Как и то, что революция создала условия, позволившие сохранить Россию как государство в ходе мировых войн. Дискуссии в таком случае, пожалуй, малоперспективны; столь диаметрально оценки и выводы, что аргументы оппонентов не принимаются априори, зачастую создаются новые мифы или пересказывается недостоверная информация, часто находящая всемерную поддержку и распространение.

Предается забвению факт, что именно такой резкий скачок позволил столетие назад заложить тот фундамент, на котором не только было выстроено новое государство, проведена индустриализация, решены многие застарелые вопросы (земли, трудовых отношений, национальной политики и т.д.), затем обеспечена военная экономика, внесшая свой вклад в победу над фашизмом, но и нынешняя Россия устояла после слома прежней формации. Многие из тех созданных тяжелейшим трудом наших предков социальные и экономические завоевания позволяют ей развиваться ныне даже в условиях нового мирового кризиса (в советские годы мы обладали самодостаточной экономикой, потому мировые кризисы нам были не страшны, а сейчас многие из советских еще наработок только воплощаем в жизнь, считая это своими заслугами), правда, не столь успешно, как прежде, что связано с плохим управлением и отрицанием прежнего опыта. Столь мощный задел мы получили в наследство от советской власти, даже с учетом многих трагических ошибок, отходов, перегибов, потерь и жертв тех лет (но какая революция, какое государство в мире без них обходились; да и в озвучиваемых цифрах надо разбираться не на глазок, а документально). Можно предположить, что столь верной оказалась идеология новой формации — социализма, изначально основанного на социальной справедливости, столь востребованной всегда в России, что даже его искажения в ходе практического осуществления не смогли сломать ее идейную основу до тех пор, пока элита сама не решила отказаться от идеи социализма⁴⁶, а затем и от всех его достижений (что как раз и отбросило страну на обочину цивилизации).

Часто упоминаемые нынешними триумфаторами демонтажа советской системы успехи капиталистического развития накануне революций 1905 и 1917 гг. весьма иллюзорны, если

⁴⁴ Что касается последнего, то вспомним хотя бы имевшую место систему социализма, как бы к ней кто не относился; это было, пожалуй, единственным историческим примером, когда Россия оставалась не в одиночестве на мировой арене, да и в западных странах тот период считается “золотыми годами” в плане социального развития и стабильности.

⁴⁵ Попутно стоит взять на заметку, что отставание в развитии от западных государств произошло в XIX в., отмена крепостного права была явно запоздалой, к тому же некардинальной мерой; вот почему практически все слои российского общества так ждали революцию.

⁴⁶ Вероятно, стоит вспомнить референдум 1991 г., когда большинство населения высказалось за сохранение СССР, к чему не сочли нужным прислушаться наши “демократы”.

присмотреться к ним внимательнее. К примеру, к лидерству дореволюционной России по хлебному экспорту, когда большинство населения недоедало или голодало; здесь уместно напомнить работы В.О. Ключевского или Питирима Сорокина, исследовавших извечную проблему голода в России⁴⁷. Так, в публичной лекции, прочитанной в пользу пострадавших от неурожая 1892 г., Ключевский отмечал, что “недостаток экономического общения и административной распорядительности превращал местные недоборы продовольствия в голодные бедствия”, причем часто благодаря спекуляции “беда создана была в значительной мере искусственно”, например, как в страшный голод 1601–1603 гг., когда закрома ломились от зерна⁴⁸ (при этом в хлебной спекуляции участвовали также церковные иерархи⁴⁹). Однако сейчас вспоминают только голод 20-х годов⁵⁰, не говоря уже о явных передергиваниях по так называемому “голодомору украинского народа” начала 30-х годов, причем спекуляции на эту тему в мире породили, по сути, отечественные исследователи, к месту и не к месту призывающих всех россиян покаяться. Или можно напомнить превознесение столыпинских реформ, переселенческой политики П. Столыпина, отнюдь не удачной в конечном счете; любопытно, что ныне не вспоминают устойчивые выражения тех лет: “столыпинский галстук”, т.е. петля виселицы, “столыпинские вагоны”, в которых перевозили людей вместе со скотом⁵¹, что также весьма показательно.

Иными словами, если попытаться взглянуть на историю нашей страны с позиции выступившего на стороне революции большинства российского населения, а не малочисленного

господствовавшего класса и части интеллигенции, то современные интерпретации исторических событий XX в. не покажутся столь убедительными. Здесь вполне объективными показателями могут послужить демографические данные, в частности, по смертности, средней продолжительности жизни и др.⁵². Если разбираться с цифрами в руках, то многое будет видеться иначе.

Впрочем, это относится ко всей нашей истории, той же эпохе Ивана Грозного, действовавшего вполне в духе своего времени и даже менее кроваво, если вспомнить, например, Варфоломеевскую ночь (кстати, в свое время Иван IV не был назван современниками кровавым, как Николай II, который получил в народе это прозвище ещё до революции, причём пушено в оборот оно было отнюдь не большевиками вопреки существующему сегодня мифу).

Однобокие же оценки истории отнюдь небезопасны для национальной безопасности государства, и это уже замечено руководством современной России. Вопрос лишь в том, какие выводы и меры последуют после недавнего заявления В.В. Путина, что историю не следует превращать в идеологическое оружие и необходимо “отстаивать объективное отношение к истории”⁵³. До настоящего времени мы имели иное, прослеживается тенденция примитивизации исторического прошлого страны, умаления ее достижений и побед, что отражается не только на исторической памяти россиян, в особенности подрастающего поколения, но также и на усилении позиций враждебно настроенных по отношению к нашей стране сил. Представляется действительно важным вернуть самим себе отечественную историю без купюр и искажений, порожденных сиюминутным

⁴⁷ См.: Ключевский В.О. Три лекции. Добрые люди Древней Руси. Paris, 1969; Сорокин П.А. Влияние голода на социально-экономическую организацию общества // Экономист. Вестник XI отдела Русского технического общества. 1922. № 2.

⁴⁸ См.: Ключевский В.О. Указ. соч. С. 65, 66.

⁴⁹ См.: Москва державная. Хроника год за годом / Сост., авт. текста А.Ю. Карпов. М., 1996. С. 341, 342.

⁵⁰ Отметим, что голод был вызван не только войной и разрухой, но и катастрофическими неурожаями 1920 и 1921 гг. В 1921 г. было собрано в России зерна лишь 40% от урожая 1913 г. Кроме того, сумма ущерба от военной интервенции и Гражданской войны исчислялась в 39 млрд довоенных золотых руб., или четверть дореволюционного национального богатства (см.: Народное хозяйство СССР. 1922–1982. Юб. стат. ежегодник. М., 1982. С. 57).

⁵¹ Товарно-скотные вагоны с нарами ранее были использованы только для перевозки скота, для крестьян тогда имелись вагоны третьего класса, но придумали это “удешевляющее” изобретение.

⁵² Так, до революции в России детская смертность достигала 40% против 7% в Норвегии. У нас тогда 43% родившихся умирало в возрасте до пяти лет, до среднего возраста матери не доживала примерно половина родившихся девочек; зараженность туберкулезом составляла у детей до шести лет 55%, до 11 лет – 81, до 14 лет – 93%, а среди умерших от туберкулеза детей 5–10 лет – 11%, в возрасте 11–15 лет – уже 25% (см.: Материалы I Всероссийского совещания по охране материнства и младенчества. М., 1921. С. 9; Гаврилова И.Н. Развитие населения Москвы: исторический ракурс. М., 2001. С. 73, 84, 85; Бонч-Бруевич В. Охрана здоровья детей и постановка физического образования // Известия Советской медицины. 1918. № 5–6. С. 2, 3).

Низкой была средняя продолжительность жизни: в целом для мужчин европейской России она составляла в 1913 г. 31 год (для обоих полов – 32), причем для Петербурга – 25 лет и для Москвы – 23 года (см.: Население СССР. Справочник. М., 1983. С. 67).

⁵³ Росс. газ. 2017. 21 апр. С. 2; Ведомости. 2017. 21 апр. С. 6.

“социальным заказом”, для чего необходимо основывать доводы на документально подтверждаемых фактах и взвешенных оценках. Безусловно, последние будут всегда различаться, но в них должно превалировать уважительное отношение к историческому опыту ушедших поколений, что не отменяет критического восприятия событий. В этой связи немалое значение имеет анализ архивных

материалов; к сожалению, в последнее время историки и политологи не так часто, как следовало бы, прибегают к этим источникам, а ведь архивные документы могут дать возможность более объективно взглянуть на нашу историю, развенчать стереотипы, ложные либо недостаточно точные выводы.

(Окончание в следующем номере)